

Интервью с Владимиром Серафимовичем СВЕЧНИКОВЫМ

«БЕСПОЛЕЗНО СПОРИТЬ О ТОМ, СУЩЕСТВУЕТ ЛИ МАГИЯ ИЛИ ОНА – ЛИШЬ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ МИФ»

Свечников В. С. – закончил факультет электрификации Саратовского института механизации сельского хозяйства в (1971 г.), кандидат технических наук (1978 г.), доктор социологических наук (2004 г.), профессор кафедры «Природная и техносферная безопасность» СГТУ.

Основные области научного интереса: социальное конструирование виртуальных реальностей; искусствоведческие и культурологические проблемы исследования жанра ментальной магии; проблемы культуры безопасности жизнедеятельности.

Интервью состоялось: январь - февраль 2017 г.

С первой публикации проведенных интервью, в начале 2005 года, я предвещаю их сопроводительным текстом. Первые «вводки» были короткими, несколько строк, материалы печатались в социологических журналах, и следовало думать о вечной ограниченности журнального пространства. Но на рубеже 2014-2015 годов я стал активно размещать новые интервью непосредственно в Интернете, на странице http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=207. Появилась свобода от пространственных рамок, и пришло понимание вводов как «зоны свободы»; пиши, сколько и что считаешь нужным. Это было два года назад, в феврале 2015 года, и та беседа открывала девятый десяток завершенных биографических воспоминаний (http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=207&id=127).

Сейчас заканчивается февраль 2017 года, и беседа с Владимиром Серафимовичем Свечниковым является №146-й. Много уже видно, множество путей в социологию открылось, но все равно постоянно ждешь что-то новое, что обогащало бы понимание путей развития нашей науки. И вот подобное произошло.

Пространство жизни Владимира Свечникова (1949 г.р) – весьма замкнутое в сравнении с географией перемещений многих представителей его IV социологического поколения, не говоря о более молодых, постперестроечных когортах российского профессионального сообщества. Он родился в Саратове, закончил там школу, Саратовский институт механизации сельского хозяйства, живет сейчас там и работает в должности профессора кафедры «Природной и техносферной безопасности» Саратовского государственного технического университета.

Конечно, он побывал в разных местах России, видел ряд стран, но это — производная его уникальной жизненной истории, в которой социология — важный «узел» жизни, но не развития его научной карьеры.

Сама же эта траектория его жизни может быть кратко описана так: школа и, вдруг, увлечение фокусами; поступление в технический вуз как акт уважения к просьбам родителей, для него желательным было цирковое училище; получение «красного диплома» и активная самодеятельность в качестве иллюзиониста; аспирантура по энергетике и успешное выступление на Всероссийском конкурсе артистов эстрады; подготовке к защите диссертации на Ученом Совете Московского энергетического института и неожиданное знакомство с книгой Дейла Карнеги «Умение приобретать друзей и оказывать влияние на людей»; увлечение психологией и получение высшего психологического образования; осознание необходимости подготовки докторской диссертации и стремление рассмотреть и обобщить в ней знание о природе иллюзионного представления и восприятия фокусов людьми; осознание «закрытости» мира фокусников, магов, иллюзионистов для внешнего наблюдателя, аналитика, даже — при включенном наблюдении. И вот — подготовка и защита диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук по теме: «Манипулятивные практики в социальном конструировании реальностей». Защита состоялась в марте 2004 года в Саратове. Внешний отзыв был подготовлен в «Левада-Центре» и подписан Ю. А. Левадой и А. Г. Левинсоном, в качестве официальных оппонентов выступали профессора Э. М. Андреев, Л. Г. Ионин и С. В. Климова.

По сути, это и все, траектория движения Свечникова в социологию — короткая и имеет весьма необычную форму — «петля». Он быстро вошел в социологию, достиг определенного пика — подготовка и защита докторской может трактоваться как своего рода вершина? — и вышел из социологии. Вот выдержки из финальной части нашего интервью: «После защиты диссертации, как и до защиты, я продолжал работать на кафедре Природной и техносферной безопасности. Читаю курсы по безопасности жизнедеятельности, по культуре безопасности, по эргономике. <...> Под моим руководством соискателем была защищена кандидатская диссертация по специальности «Культурология». Поэтому я последнее время считаю себя больше культурологом, чем социологом. И свои статьи, монографии позиционирую как культурологические. <...> Сейчас я проживаю последние эпизоды в моей карьере университетского преподавателя. Через месяц собираюсь подать заявление об освобождении меня от занимаемой должности профессора.

С некоторой грустью констатирую, что моя работа по социологическому исследованию магии, ее связи с религией, с суевериями, с парапсихологией, до сих пор, насколько мне известно, остается единственной защищенной в России докторской диссертацией по такой тематике».

И закончу эту вводную часть неофициальным отзывом на автореферат Свечникова, написанным В.Э. Шляпентохом. Это мое решение продиктовано не только тем, что текст напрямую относится к социологической деятельности моего собеседника, но и стремлением сохранить для истории документ одного из первых советских социологов и человека, с которым мы много лет говорили по телефону о социологии, о делах в России и о наших общих друзьях. Почти никого из которых не осталось...

Отзыв на автореферат докторской диссертации Владимира Свечникова

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В СОЦИАЛЬНОМ КОНСТРУИРОВАНИИ РЕАЛЬНОСТЕЙ

Владимир Свечников предпринял попытку сделать вклад в три области социальных исследований: социологию магии как сферы деятельности, роль магии в массовом сознании и проблемы манипулирования массовым мнением. Первый вклад бесспорный и весьма интересный, здесь автор является монополистом, может быть, в мире, второй – примечательный и подтверждает исследования других авторов о важной тенденции в современной России, и третий – почти сенсационный, стимулирующий дискуссии о самых главных философских и социологических проблемах жизни. И, добавлю, каждую часть реферата я, который уже давно привык просматривать диссертационные тексты и книги весьма уважаемых в Америке и России авторов «по диагонали», читал с огромным интеллектуальным интересом, не пропуская ни одной строчки.

Автор сразу же завоевал мое доверие своим научным уровнем и эрудицией, хотя он явно переборщил с цитированием всевозможных имен, объединяя ученых и неученых всех времен и народов, имеющих и мало общего друг с другом, и очень разного уровня – от крайне низкого до весьма высокого (смешно, например, видеть Шинкарука в соседстве с Расселом или Павла Гуревича с Малиновским).

Но, конечно, необычное рвение автора слиться с мировой культурой и наукой куда более приятное явление, чем дремучий научный провинциализм, когда ученый, американский или российский, оперирует только произведениями авторов, ему лично знакомых, принадлежащих к его клике, и называет несколько иностранных имен для порядка.

Первый вклад автора – исследования социальной магии в самых разных направлениях – от манипулятивной техники до взглядов самих магов на разные проблемы, в частности на религию. Эффект исследования магии и магов ученым, который был сам участником этой сферы деятельности, воистину потрясающий. Представьте себе, что диссертацию о колхозниках или фермерах написали бы сами крестьяне, а исследование о мафиозниках – отменный преступник! Насколько качественнее были бы эти исследования по сравнению с теми, которые были изготовлены людьми, изучавшими соответствующие группы населения со стороны. Я думаю, что работа Свечникова, это редчайший пример того, как активный (а не искусственный наблюдатель, использующий сомнительный метод «включенного наблюдения») участник социально значимой сферы деятельности оказался в то же время профессиональным социологом высокого уровня, решивший глубинно исследовать важную сферу общественной жизни. Не сомневаюсь, что работа Свечникова войдет как классическое исследование в учебники по методологии социологии.

Второй вклад диссертанта интересен данными об огромном распространении веры в магию, а также во всевозможные чудеса в российском обществе. «В конце восьмидесятых годов прошлого века в России возникает, не прекращающийся и по сей день бум...» – пишет автор.

Но, конечно, наиболее впечатляющими являются необычайно смелые попытки автора рассмотреть общество сквозь призму магии. Мне трудно удержаться от преувеличений, но я вынужден отметить, что интеллектуально «магическая перспектива» столь же интересна, как и попытка Фрейда избрать секс как важную перспективу в изучении мира, или стремление Маркса смотреть на мир сквозь

призму экономических интересов, или Вени Ерофеева разглядывать мир только через бутылку. Однако, Владимир Свечников со своим «магическим взором», вместе с современными критиками западного общества типа Бурдые, требует от нас ответа на вопросы о том, насколько суверенно человеческое сознание, возможна ли вообще «честная коммуникация» между людьми, что такое демократия в условиях, когда люди легко манипулируются СМК, и многие другие.

Я не думаю, что у Ученого Совета должны быть даже малейшие сомнения в необходимости присуждения Владимиру Свечникову искомой степени.

Кончу я, однако, на сентиментальной ноте. Важная часть моей жизни связана с Саратовым, с его интенсивной интеллектуальной жизнью в первые пост-сталинские годы и, особенно с моей любимой Саратовской Университетской библиотекой, которой я прошу передать мой привет.

Я рад, что такой яркий человек и ученый как Владимир Свечников живет и работает в Саратове.

Владимир Шляпентох
Профессор Мичиганского Университета

Свечников В. С. «Бесполезно спорить о том, существует ли магия или она — лишь социокультурный миф»

Спасибо, Владимир, что Вы дали мне возможность в общих чертах познакомиться с Вашим жизненным путем, сразу скажу, необычным. Вы — и инженер-электрик, и маг, и социолог. Конечно, меня в первую очередь интересует Ваш путь в социологию и Ваша социологическая деятельность. Но жизнь человека — одна, едина, в ней все взаимосвязано. Потому начнем сначала.

Вы родились в Саратове, Ваши родители тоже из тех же краев, или их туда разные обстоятельства завели? Что вообще Вы знаете о своей родительской семье?

Я родился 14 февраля 1949 года в городе Саратове. Мой папа, Свечников Серафим Вениаминович, закончил Великую Отечественную войну в звании капитана. Он был танкистом. После войны работал преподавателем в Саратовском танковом училище, а затем преподавателем начертательной геометрии в Саратовском институте механизации сельского хозяйства. Мама, Лидия Федоровна Свечникова (в девичестве Храновская), работала на заводе, а после окончания института тоже стала преподавателем начертательной геометрии в политехническом институте. Они познакомились и поженились в 1948 году. Прожили долгую жизнь, папа скончался в 1998 году, а мама — в 2013. До моего 18-летнего возраста мы жили в небольшой квартирке без всяких удобств вместе с бабушкой и дедушкой. Я помню, как мама занималась за большим столом в главной комнате нашей двухкомнатной квартиры на улице Вознесенской. Этот стол был универсальным, за ним читали, писали, чертили, обедали, когда собиралась вся семья. Стол был раздвижным, на огромных фигурных ножках. Когда его раздвигали, за стол свободно могли сесть человек двадцать.

Дедушка, Свечников Вениамин Димитриевич, был преподавателем математики в Саратовском педагогическом училище, а бабушка, Ираида Аркадьевна, была зубным врачом. Родом они были из разных мест. Дедушка родился в 1881 году в селе Натальино Самарской губернии, а бабушка — в слободе Котово Камышинского уезда Саратовской губернии. Познакомились они и полюбили друг друга в Санкт-Петербурге, где учились и закончили свои учебные заведения еще до революции: дедушка Санкт-Петербургскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия, а бабушка — высшие курсы врачей-стоматологов. В Питере они и получили благословение от родителей на вступление в брак в 1909 году. Впрочем, венчались они в храме Михаила Архангела в Котово. Все это я узнал из записок своего дедушки.

Мой папа, Свечников Серафим Вениаминович, родился в Петрограде 28 декабря 1914 года. После окончания Академии мой дедушка работал заведующим кафедрой математики Петербургской Духовной Семинарии до 1918 года.

В 1917 году дедушка отправил мою бабушку вместе с их трехлетним сыном, моим папой, на родину бабушки, в слободу Котово. Подальше от тревожного, предреволюционного Петрограда. 1918 году советское правительство закрыло все духовные учебные заведения. Всех преподавателей выселили из квартир, расположенных в здании семинарии. Дедушке пришлось перейти на работу в школу и вместе со своим другом снимать комнату. В 1918 году дедушка уехал из Петрограда и больше уже никогда туда не возвращался. Думаю, что он предвидел все будущие репрессии по отношению к священникам и их детям.

Мой прадед, отец бабушки, Аркадий Алексеевич Златомрежев, был настоятелем храма в слободе Котово. В 1909 году был избран членом III Государственной Думы, в 1910 году скончался и похоронен в Александро-Невской Лавре. Прадед со стороны дедушки был учителем в земской школе, а затем священником в Раковском монастыре Самарской губернии, где и похоронен. А его отец был крепостным помещика Самарина.

У бабушки было три сестры и пятеро братьев. Изучая дедушкины мемуары, я узнал, что двое братьев моей бабушки в 1930 году были обвинены в антисоветской агитации, шпионаже и расстреляны. В 1990 году, они были реабилитированы.

С 1920 года по 1930 год мой дедушка работал директором школы в слободе Рудня. В этой же школе учился мой папа. В 1930 году вся семья переехала в Саратов, где папа закончил сначала техникум, а затем и институт механизации сельского хозяйства. В 1941 году он был мобилизован и как инженер механик направлен сначала в Бронетанковую Академию, а затем на преподавательскую работу в танковое училище.

Моя мама родом из Полоцка, Беларусь. Мамины родители – Федор Фомич Храновский и Агафья Владимировна (в девичестве Безуненко), сестра Катя и младший брат Дима. Я никого из них живыми не видел. Знаю их только по одной сохранившейся фотографии и по редким рассказам мамы. Вся семья мамы погибла в оккупации, задолго до моего рождения. Именно так ответили на запрос мамы о судьбе ее родственников после войны из Полоцка.

Дедушка и бабушка до конца своей жизни оставались в Саратове: дедушка работал преподавателем математики в Саратовском педагогическом училище, а бабушка работала зубным врачом в поликлинике.

Дедушка вновь и вновь возвращается в своих воспоминаниях к жизни в Рудне. Каждый раз он подчеркивает, что, вспоминая с Ираидой Аркадьевной годы, проведенные в Рудне, они считали их самыми счастливыми в своей жизни. Да и папа мой, Серафим Вениаминович, всегда стремился туда. Думаю, что Рудня представляет собой некое мистическое для многих людей место. Она незримыми нитями привязывает к себе всех, кто хоть некоторое время там жил. И с каждым годом она как бы сильнее натягивает эти нити притяжения. Я это прекрасно ощущаю на себе. За свою жизнь я объездил буквально полмира. В Рудне я много раз бывал еще мальчишкой вместе с родителями, помню, как там мы взбирались на гору с папой и с дедушкой, как рыбачили на речке. После этого я много раз, уже на своей машине, приезжал туда. И с годами каждое лето меня все сильнее и сильнее влечет именно туда, а не в какие-то экзотические страны.

Мой папа был прекрасным игроком в шахматы. Кроме работы преподавателем вуза, он 40 лет руководил шахматным кружком в Саратовском Дворце пионеров. На моих глазах папа, покуривая сигарету, садился спиной к четырем игрокам и давал им сеанс одновременной игры на четырех досках вслепую! И что важно, чаще всего он выигрывал все четыре партии. В шахматном кружке Дворца пионеров занималось множество саратовских ребят. Папа, например, воспитал там такого известного затем международного гроссмейстера Николая Владимировича Крогиуса, тренера чемпиона мира Бориса Спасского. Сейчас Николай Владимирович Крогиус, доктор психологии, профессор, живет в Нью-Йорке.

Свое увлечение шахматами Серафим Вениаминович пронес через всю жизнь. Он очень серьезно относился к руководству шахматным кружком. Собрал уникальную шахматную библиотеку, постоянно выискивал и с помощью маленького печатного набора распечатывал в блокнотиках сотни задач и этюдов, которые затем разбирал со своими учениками.

Лет десять назад члены краеведческого кружка в Саратове обратились ко мне с просьбой рассказать о папе и его шахматном кружке. Я решил поискать какие-то сведения о папе в Интернете, может быть, найду что-нибудь интересное. К сожалению, тогда я не нашел ни одного упоминания о Серафиме Вениаминовиче. Но зато в поисковой системе выплыла ссылка на моего дедушку, Вениамина Дмитриевича. Оказалось, что Санкт-Петербургская Духовная Академия выложила на свой сайт списки выпускников, начиная с 1813 года. Мой дедушка упоминался в этих списках, как выпускник 1909 года со степенью кандидата богословия. Я знал об этом высшем образовании моего дедушки. Он приехал в Петербург поступать в Академию после окончания Самарской Духовной Семинарии. Но священником он не стал, а всю жизнь работал преподавателем математики.

Папа и мама каждое лето на сэкономленные за год деньги уезжали отдохнуть куда-нибудь подальше от Саратова. Родители старались показать мне как можно больше новых мест. Именно они познакомили меня с Москвой, Ленинградом, с Крымом и Кавказом, с Белоруссией, прокатали несколько раз по Волге. С тех пор я больше всего люблю отдыхать на круизных теплоходах.

В детстве я постоянно ходил с папой на демонстрации 1 мая и 7 ноября. Дворец пионеров представлял визуально в своей праздничной колонне все кружки. Шахматный кружок нес огромные шахматные фигуры, сделанные из фанеры.

Мои родители и дедушка с бабушкой старались поддержать и развить все мои увлечения: дедушка определил меня в художественную школу, где я проучился несколько лет, папа старался привить мне любовь к фотографии, которой он страстно увлекался сам. Ходил я когда-то в спортивные секции фехтования и борьбы, очень любил кататься на велосипеде. Наверное, эта любовь к велосипеду перешла ко мне от папы, который с юности освоил этот вид транспорта и спорта. На старых фото я нашел чуть ли не все свои велосипеды, начиная от трехколесного, с которого я начал осваивать эту технику.

Жил с бабушкой и дедушкой дома, играл со своими друзьями во дворе, но детский сад не посещал. Помню, что меня пытались отправить в детский сад. Он находился невдалеке, вверх по улице Вознесенской к горе, прямо за поворотом на Горной улице. Но ничего хорошего из этого не вышло: я чувствовал себя брошенным, целый день проплакал где-то в уголке, и этим единственным днем мое посещение детского сада и ограничилось.

Лето 1956 года я очень хорошо запомнил. Именно в этом году 23 августа умерла моя бабушка, Ираида Аркадьевна. Она скончалась скоропостижно, внезапно. Я лишь помню, что дедушка очень взволнованно ходил по комнате, а папа и я пытались его успокоить, всё уговаривали его: не волнуйся, дедушка, не волнуйся. Это было, конечно, наивно и неправильно. И дедушка, как помню, нас резко оборвал. Потом меня отправили в квартиру соседей на первый этаж нашего деревянного дома. Наверное, родители не хотели, чтобы я, шестилетний мальчуган, видел и запомнил

смерть своей бабушки. Я чувствовал, что происходило нечто скорбное и важное, во дворе все сочувственно смотрели на меня, никакие детские игры с товарищами не получались.

Отпевали и хоронили бабушку на третий день 25 августа. Потом уже мама мне рассказывала, что на всю жизнь запомнила и невзлюбила после похорон бабушки запах самых популярных советских духов того времени – «Красная Москва». Август 1956 года был очень жаркий, и дедушка, пока тело бабушки лежало в гробу в зале, обрызгал все комнаты в квартире этими духами, чтобы перебить возникающий, наверное, запах тления.

Уже потом, через много лет я узнал, что запахи являются одними из самых мощных «психологических якорей», которые мгновенно могут перенести человека в его воспоминаниях в момент времени, связанный с этим запахом. Для меня, например, таким печальным «якорем» до сих пор является запах больших белых осенних хризантем. Когда я учился в школе № 42, поздней осенью скончался наш любимый учитель математики, Александр Семёнович Беляков. Мы хоронили его всем классом. Почему-то все принесли к его гробу именно эти цветы. С тех пор запах хризантем сразу же переносит меня в тот холодный, скорбный, осенний день.

У моего дедушки было много увлечений. Он до последних своих дней писал маслом картины. До сих пор в нашем доме висят копии картин, которые дедушка делал еще 100 лет назад в Русском Музее в Петербурге. Когда ему бывало грустно, наигрывал печальные мелодии на скрипке. Со времен его юности у меня дома хранятся десятка три книг по философии, истории, психологии, искусству, изданных еще в 19 веке. А вообще, наша семейная библиотека, которую собирали дедушка, папа, а потом и я, насчитывает более 1000 томов.

В своем утреннем письме Вы написали, что два года назад отыскали в семейном архиве несколько тетрадей с биографическими записками дедушки В. Д. Свечникова, которые охватывают семь десятилетий: с 1890 по 1961 год. Как случилось, что около полувека они считались утерянными, и как вам удалось их обнаружить? Опишите, что это за архив, сколько тетрадей, что Ваш дедушка там записывал? Подобные дневники – редкость, и каждый из них – ценнейший документ истории и семьи, и страны.

Четыре уже опубликованные мною монографии, издание которых я надеюсь продолжить, являются результатом прочтения и осмысления мемуаров моего дедушки Вениамина Дмитриевича Свечникова. Я, не торопясь, разбираю, читаю, сканирую, перепечатаваю на компьютере страницы жизни моих предков. Эти дневники, воспоминания, в которые я стараюсь вжиться и понять, мне чрезвычайно дороги по нескольким причинам.

Первая причина, в которой я не мог себе признаться, и которую только теперь осознал, это то, что мужская линия Свечниковых, идущая от моего дедушки, на мне, Владимире Серафимовиче Свечникове, оканчивается. У меня только одна дочка, Наденька, и одна (пока) внучка Милана. Доченька моя замужем за американцем, Марко Дель Позо, носит его фамилию и живет с 2005 года в Нью-Йорке. Если моя внучка, которая родилась в США в 2009 году, когда-нибудь хорошо овладеет русским языком, то, возможно, прочтает эти мемуары своего прапрадедушки и хоть немного представит себе жизнь России в конце девятнадцатого и в начале двадцатого века, узнает о своих предках. Надежда на это и подвигает меня на обработку дедушкиных рукописных тетрадей. Ведь воспоминания – это по сути единственное, что на

какое-то время сохраняется об ушедших в вечность людях, не создавших каких-то вещественных, материальных памятников своей жизни. Педагоги обычно таких материальных памятников, кроме своих книг, статей, исследовательских работ и т. п., не создают. Их жизнь протекает в духовной сфере. А мой дедушка был потомственным педагогом.

Вторая причина несёт в себе некий оттенок мистики. Дело в том, что я прекрасно помню последние годы жизни моего дедушки, и то, как он работал над своими мемуарами. Из-под его пера за четыре года появились три толстые тетради. Эти воспоминания читали мои папа и мама, их читали наши родственники, в доме велись разговоры о том, что дедушка пишет очень важные и интересные для нашей семьи мемуары. Но мне, ученику начальных классов (в 1961 году мне исполнилось 12 лет), то, что писал дедушка, было неинтересно. Я, разумеется, заглядывал в его записки, но дедушка писал их старинным пером «рондо», и разбирать его почерк для меня было очень трудным занятием. Да и содержание записок было мне не особенно понятно и интересно. Тогда, помнится, я уже читал «Трёх мушкетёров», и похождения Д'Артаньяна были мне гораздо интереснее. Дедушки не стало в конце холодного и снежного декабря 1961 года. В 1966 году я окончил «английскую» школу № 42 в Саратове, куда, кстати, меня привёл дедушка, и поступил в институт механизации сельского хозяйства, на факультет электрификации.

И вот когда я уже учился в институте, как-то попросил маму дать мне почитать тетради дедушкиных воспоминаний. Мама с горечью призналась мне, что уже несколько лет она их нигде не видела. Мы решили, что, скорее всего, кто-то из родственников их читал и не вернул. Впрочем, какие-то робкие попытки их найти я предпринимал, рылся в шкафах, в сундуке, искал на даче, но все поиски были безуспешными. Так и прожил я всю жизнь с горьким воспоминанием о непрочитанных, и утраченных навсегда дедушкиных мемуарах.

Это чувство многократно усилились, когда мне в 2013 году довелось выступить на конференции, посвященной важности семейных архивов. Я показывал там свой фильм «Рудня, старый альбом». Это был фильм, снятый в Волгоградской области, в рабочем посёлке Рудня. Там долгое время жили дедушка, бабушка и папа. Фильм я снимал вместе с коллегой, профессором Виноградским Валерием Георгиевичем на материале старого альбома с фотографиями. По сути, тот фильм был данью уважения и памяти к моим самым близким людям. Все участники конференции хорошо отзывались об этой работе, а я ещё раз пожалел о том, что так и не разыскал дедушкины мемуары.

Несколько лет назад я также вспоминал о дедушкиных записках, когда ко мне обратились саратовские краеведы с просьбой рассказать о работе моего папы, Свечникова Серафима Вениаминовича, в Саратовском Дворце пионеров и школьников, где он 40 лет вёл шахматный кружок. Я тогда зашёл в Интернет в надежде найти там какие-то упоминания о папе. Ничего не нашел, но внезапно выпало сообщение о моём дедушке. Пройдя по ссылке, я попал на сайт Петербургской Духовной Академии, где в списках выпускников 1909 года числился Свечников В.Д., окончивший Академию со степенью кандидата богословия. Это было совершенно неожиданно для меня, всколыхнуло всю горечь утраты дедушкиных мемуаров, где он, конечно, должен был описать свои годы учёбы в Академии.

3 июля 2013 года не стало моей мамы, Свечниковой Лидии Федоровны. Последний год жизни мамы я провёл рядом с ней, ухаживал до последней минуты. Господь подарил мне счастье общения с самым близким и любящим меня человеком. Мы часто вспоминали папу, дедушку. Говорили и о его мемуарах. Тогда, кстати, я по примеру дедушки написал воспоминания о некоторых эпизодах своей жизни.

Когда мамы не стало, я уехал в Нью-Йорк, к дочке. И целый год практически не заходил в пустую мамину квартиру. Но когда мы продали пустующую квартиру, встала проблема её освобождения от мебели и всех, теперь уже не нужных, старых вещей. И вот, разбирая книжный шкаф с библиотекой, которую начал собирать ещё дедушка, на самой нижней полке, в глубине я нашёл дедушкины тетради. Мама, уходя, как бы спохватилась и всё-таки вручила мне эти записки, более 50 лет считавшиеся утраченными. Это был её последний привет, подарок с той стороны, откуда к нам не доходит ни единой весточки.

Я с жадностью стал читать страницу за страницей, узнавая красивый дедушкин почерк, не испытывая теперь тех детских затруднений. Чернила во многих местах выцвели, но всё ещё было разборчиво. Тут же я решил, что буду сканировать и оцифровывать эти дорогие мне записки. Вот этим и занимаюсь уже несколько месяцев, вчитываясь в немного непривычные по своему написанию буквы, удивляясь свободному и лёгкому изложению мыслей, богатству языка. Мысленно переживаю всё, что происходило с моим дедушкой, как бы перелетая в те далёкие годы, о которых читал в других книгах. В его воспоминаниях те годы становятся частью и моей жизни. Дедушка как бы подарил мне волшебную «Машину Времени», я читаю строки его воспоминаний и, кажется, иду рядом с ним из музыкального магазина, ловлю рыбу и купаюсь на Волге, слышу гудок маленького парохода, поднимаюсь по величественной лестнице Русского музея. Воображение с помощью дедушки переносит меня на сто лет назад, когда в России не было ни радио, ни телевидения, ни Интернета. Когда уроки готовили при свечах и писали свинцовыми карандашиками. Но сколько чистоты и простоты я вижу в той, утраченной жизни, насколько та жизнь представляется наполненной смыслом, мудростью и ожиданием радости. Как бы я хотел действительно оказаться там! Я преклоняю голову перед моим дорогим дедом Веней, который так любил меня и оставил свои воспоминания.

Над первой книгой его мемуаров я работал около двух лет. Основное в этой книге – разумеется, тот текст, который написал мой дедушка. Возможно, многие мои примечания и комментарии могут показаться кому-то наивными, простыми и совершенно не нужными. Но я хочу быть честным. Всю свою сознательную жизнь я стремился получить разъяснения по тем вопросам, которые мне были непонятны. И если вместо этого получал (например, от некоторых «педагогов») надменный и презрительный ответ: «Стыдно этого не знать!», я никогда на них не обижался. Но и мне никогда при этом не было стыдно за своё незнание. Любой человек может чего-то не знать, не понимать, не помнить, в конце концов. Стыдиться этого ни в коем случае нельзя, не должно. Стыдно, на мой взгляд, скрыть своё непонимание из-за ложной стыдливости. А тем самым увеличить своё «незнание». По крайней мере, я всегда это говорю своим студентам. И предлагаю задавать мне вопросы, если на лекции им что-то осталось непонятным. Кто-то из умных учителей заметил, что все педагоги на экзаменах делятся на две категории: одни пытаются «докопаться», чего же студент не знает, а другие пытаются выяснить, что же он всё-таки знает.

Пошел уже третий год, как я с огромным интересом изучаю дедушкины записки, продолжая открывать в них множество новых, не известных мне фактов. По сути дела, эти мемуары представляют собой объёмную и серьёзную работу по социологии повседневности. Эти записки – дневник целой жизни, в котором мой дедушка скрупулёзно, детально описывает обстановку, которая его окружала в различные периоды его жизни, вспоминает многие детали быта, имена, фамилии. Эти мемуары – срез повседневной жизни семьи, прошедшей через слом целой цивилизации, испытавшей на себе весь ужас уничтожения монолитного фундамента благополучия, достигнутого упорным и каждодневным трудом. Столичная жизнь начала XX века, любовь, творчество, интересный круг друзей, родственников и коллег по работе – всё это оказалось разрушенным и утраченным всего за несколько лет, от начала Первой мировой войны в 1914 году до Октябрьской революции 1917 года. Счастливая семья моего дедушки практически мгновенно потеряла все свои скромные материальные ценности, на которых базировалась их жизнь. Они лишились работы – в 1918 году новая власть закрыла все духовные учебные учреждения, а Вениамин Димитриевич Свечников заведовал кафедрой математики в Санкт-Петербургской Духовной семинарии. В 1919 году они лишились просторной четырёхкомнатной квартиры, которую он получил как преподаватель семинарии. И семья оставила Петроград и переехала жить в сельскую местность. Это было единственно верное решение, которое сохранило их жизни. Вениамин Димитриевич признаётся в том, что десятилетие жизни в слободе Рудне, где он заведовал школой, было самым счастливым периодом его жизни. Эта жизнь в единении с прекрасной природой Рудни, каждодневный труд педагога, простые семейные радости наполнили его жизнь новым содержанием. Однако с какой горечью пишет он о том, что жизнь разбросала по России его родителей, братьев и сестру. Он с душевной болью признаётся в том, что в их семье элементарно не было средств, чтобы съездить и навестить своих родных и близких.

В последней, третьей тетради дедушка рассказывает о своей жизни в Саратове. Пожалуй, эта часть воспоминаний наиболее личная. Все, о чем пишет Вениамин Димитриевич, пронизано любовью и грустью об утраченном, прошедшем времени юности и счастья. Анализируя и комментируя не только эту тетрадь, но и две предыдущие, я все время испытывал некоторые сомнения: нужны ли кому-нибудь, кроме моих родственников и друзей, эти чрезвычайно личные воспоминания моего дедушки? Мне начинало казаться в последнее время, что кроме автора этого произведения и нескольких человек, подобные книги-воспоминания уже никого не интересуют. Люди живут столь стремительно в своей молодости, что у них не остается времени, чтобы оглянуться и приглядеться, прислушаться к тому, что уже давно прошло, подумать и оценить эти перемены... Ну, а старики действительно погружены в свои думы о прошедшем, о том, что навсегда утрачено и никогда уже не повторится. Но кого это, кроме их самих, может затронуть и взволновать?

Но вот что я понял, напечатав и перечитав третью книгу мемуаров своего дедушки. Вдруг пришло четкое осознание интуитивного замысла моего дедушки и смысла трех этих родных мне тетрадей. Они, эти записки, адресованы даже не мне, как я думал, разбирая витиеватый и красивый почерк. Эти строчки обращены далеко в будущее. Они – живая связь многих поколений. Теперь они принадлежат всем, кто пожелает узнать прошлое одной семьи, прошедшей все этапы становления современной России.

Еще не приступая к разбору третьей тетради, я решил, что обязательно должен вновь поехать в Рудню. Я уже был там и снимал 12 лет назад фильм «Рудня: старый альбом». Много раз я собирался снова побывать в этих, ставших и для меня родными местах. Летом 2016 года удалось осуществить это намерение.

Предварительно я связался с очень хорошим человеком, директором Руднянского историко-краеведческого музея Морозовым Геннадием Тимофеевичем. Он принял нас в своем музее, который, можно сказать, появился и существует благодаря его энтузиазму и живой энергии. Я передал ему первые две книги воспоминаний Вениамина Дмитриевича и портрет моего дедушки, директора Руднянской школы. А от Геннадия Тимофеевича получил памятную фотографию коллектива учителей школы, которую затем поместил в третьей книге. А совсем недавно со мной связалась жительница Рудни, которая очень хотела прочитать эти книги воспоминаний. Мне также очень приятно, что мои фильмы о Рудне, сделанные десять лет назад, посмотрели более 2000 раз. Но самым, пожалуй, неожиданным было то, что в первый вечер пребывания в Рудне в августе 2016 года одна девушка, посмотрев на меня, робко спросила: «А Вы не тот ли Свечников, что сделал фильм о Рудне?» Я просто опешил, не ожидал, что моя физиономия запомнится кому-то из совсем юных жителей Рудни. Теперь появился еще один, новый фильм о Рудне. Посмотреть его можно вот по этой ссылке: <https://www.youtube.com/watch?v=0zVc8dYsm50>.

Теперь я понимаю, что я очень богатый человек, имея такой бесценный семейный архив – мемуары моего дедушки. Но я еще и являюсь счастливым обладателем многих фотографий столетней давности. А на них можно заметить такие замечательные, неожиданные фрагменты прошлого, которые хочется разглядывать часами. Можно увидеть совершенно невообразимые детали костюмов, причесок, дамских пенсне, кокетливо подвешенных на шнурках, мебель, стулья, маленькие столики и кресла. Можно понять всю семейную иерархию во время съемки фотографии, которая читается в позах, в расположении персонажей, в выражении их лиц. А совсем недавно я наткнулся на замечательный сайт http://www.rosphoto.com/family_photographers/zachem_nuzhna_semeynaya_fotografiya-3297

На этом сайте своими размышлениями о значении семейных альбомов делятся ведущие фотографы страны, участники Russian Photo club. Вот несколько самых пронзительных слов, созвучных моему пониманию роли семейных архивов.

Наталья Андерсен:

«Счастлив тот, кто счастлив в семье! А чтобы это счастье можно было увидеть, потрогать и пережить снова, по-моему, и придумана семейная фотография. Это такие лучики тепла и света, связь поколений на бумаге. Листаешь семейный альбом, смотришь на трогательные детские лица, на молодых бабушек и дедушек — и сразу вспоминается что-то давно забытое, но такое нежное и родное, и понимаешь, что ты не один».

Ольга Лебедева:

«На самом деле семейная фотография не нужна... Она необходима! Это своего рода спираль с множеством витков, каждый из которых — поколение. Выпал один виток — и нет спирали... Это память, это возможность вернуться назад. Это залог осознанного будущего. Мы должны знать, кем были наши праотцы, чем они жили, как жили! Что надевали, как смеялись, как играли, плакали, грустили... Это наша жизнь. Семейная фотография имеет свое продолжение в семейном альбоме. Каждый отдельно взятый снимок — целый мир, целая жизнь! Надо развивать в нашей среде ценность и значимость

семейной фотографии. Зачем она нужна? На самом деле ответить на этот вопрос очень просто: для нашего спокойного будущего. Мы просто знаем самое важное: у нас есть семья. И семейный фотоальбом — главное тому подтверждение!»

Во время работы над третьей книгой я отыскал много старинных фотографий, иллюстрирующих те моменты жизни, что описаны в предыдущих двух книгах, нашел в Интернете много неизвестных мне фактов из жизни родственников и людей, о которых писал мой дедушка. Я постарался все это вставить в раздел «Примечания и анализ текста».

Осенью 2016 года я получил из типографии нашего университета третью часть монографии, написанной по результатам исследования и анализа мемуаров моего дедушки – Вениамина Димитриевича Свечникова. Пожалуй, самым главным открытием при чтении и подготовке к публикации этих записок стала как-то незаметно обнаруженная, как бы всплывшая из глубин прошлого важность воспоминаний дедушки. Причем важность не только для нашей семьи и немногочисленных родственников, но и для многих людей из разных городов. Я понял, что взгляд современника на прошедшее время действительно через много лет становится бесценным, поскольку он не подвержен оценочным искажениям современного восприятия той эпохи. Всё происходящее описывает очевидец событий той, ушедшей и во многом забытой эпохи.

Я тут же начал записывать свои воспоминания. Многие были уже записаны раньше, несколько лет назад, но из прошлого начинали выступать некоторые моменты, о которых я не вспоминал все эти годы. Наверное, не было такой необходимости, вот и были эти нюансы жизни спрятаны в самые дальние уголки памяти. А извлечь их оттуда действительно требовало мое новое отношение к мемуарам как к важнейшим свидетельствам социологии повседневности уже ушедшей эпохи. И важность таких записок может быть оценена не мною и не сегодня, а только читателем через много лет. Уже совсем по-другому, например, я отношусь к тем строчкам, что появились в моём собственном блоге три года назад.

В последнее время, работая уже над пятой книгой монографии «Призма памяти», я все чаще задумываюсь над принципиально важной для меня проблемой: чем же я фактически занимаюсь, анализируя, комментируя мемуары моего дедушки, а теперь вот создавая собственные записи отдельных эпизодов своей жизни. Как можно позиционировать такую деятельность, эту мою работу? Нужна она кому-либо, кроме меня самого, моих близких и дальних родственников, моих друзей?

Что же такое – моя память? Могу ли я ей доверять? Ведь события, которые я вспоминаю и описываю, произошли полвека назад. Занимаюсь ли я их лакировкой, приглаживанием, редактированием? Несомненно, я это делаю, поскольку подчас довольно долго обдумываю, как записать мои мысли. Но не лишает ли это – мое стремление выразить всплывающие в голове мысли, образы, воспоминания правильно подобранными словами – объективности описания происходивших со мной событий? Стоит ли придавать какое-то значение подобным мыслям? Думаю, что не стоит. Буду описывать все эпизоды теми словами, что возникают, всплывают из подсознания, так, как получается. Ведь как правильно заметил поэт:

...Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь,

Взрывая, возмутишь ключи,
– Питайся ими – и молчи...

(Ф.И. Тютчев. Из стихотворения «Silentium!»)

В конце концов, если какой-то социолог или культуролог в будущем и решит подвергнуть все написанное моим дедушкой и мною в этих книгах непредвзятому, объективному анализу, то без этих моих конкретных воспоминаний что он сможет сделать?! Так что я уже могу утешать себя тем, что, публикуя эти мемуары, я, как минимум, создаю некий текстовый и визуальный объект для анализа. А уж на мнение гипотетического социолога об истинности, ложности или ценности моих воспоминаний я никоим образом повлиять не могу. Но не записывать свои воспоминания, молчать не хочу и не буду. Не буду прислушиваться к сетованиям одного близкого мне человека, который, познакомившись с первыми книгами, вдруг стал говорить мне, что все описанное и дедом, и мною давно уже кануло в вечность, никому не нужно и никому не интересно. Он, этот человек, на мой взгляд, не до конца понимает, что, публикуя эти мемуары, я вовсе не ищу какой-то славы, не стремлюсь, да и не имею никакой возможности повлиять на глобальные описания исторических событий ушедшего времени. Впрочем, скорее всего, я здесь немного лукавлю...

Учебники истории, общепринятые «объективные» суждения и свидетельства об ушедших временах, мифы и легенды, сказания и былины – все это громадные полноводные реки, где-то прозрачные и чистые, где-то перекрытые плотинами, где-то замутненные. Эти реки имеют свои заливы, куда редко заглядывает человек, имеют узенькие протоки, которые едва можно перейти вброд. Но в них устроены и четко обозначены широкие, глубокие фарватеры, по которым обязаны двигаться все суда. Впрочем, иногда, и довольно часто, река вдруг меняет свое русло, требует проводки нового, безопасного для судов фарватера. Ведь не должны же все путешествующие по рекам истории подвергаться опасностям, трагическим случайностям, возможностям перевернуться при резком повороте русла?! И летят вдоль всей реки, по всем городам и весям категорические требования немедленно установить новые вешки, бакены, маяки, помочь всем неустойчивым судам обрести верный курс! Далеко не все путешествуют по этим рекам и пьют из этих источников. Многие вообще лишь изредка обращают взгляд в прошлое, довольствуясь настоящим.

На всю свою жизнь я запомнил урок истории поздней осенью 1964 года. Вера Филипповна Эчбергер, директор нашей школы № 42, которая вела этот предмет в нашем классе, прошла в аудиторию насупленная и молчаливая. С удивлением наблюдали, как она, опустив глаза, молча и даже, как бы шаркая ногами, несколько минут ходила вдоль рядов наших столов. Мы тоже притихли, проникнувшись непонятной нам важностью происходящего. Затем она, все так же не поднимая глаз, охрипшим голосом, медленно, но отчетливо выговаривая все слова, произнесла: «Откройте ваши учебники. Начиная со слов «... верный ленинец», все, что написано про Никиту Сергеевича Хрущева, можете не читать».

Вот так плавная и широкая река истории на моих глазах изменила свое русло... И лоцманы повсюду быстро начали прокладывать новый курс. Думаю, что Вера Филипповна в душе не поддерживала инициативу партийных историков, она была чрезвычайно взволнована тем, что ей выпала печальная обязанность раскрыть нам великую тайну: истории, которую мы изучали по нашим учебникам, не существует, она не совершается во времени и в пространстве. Мы изучаем лишь то, как исторические факты и события интерпретируются людьми, имеющими право, стремление

и возможность это делать. Этот случай потряс меня до глубины души. Ведь тогда никто из нас ничего не знал о романе Джорджа Оруэлла «1984». Мы тогда еще не читали ничего про «министерство Правды».

Теперь я понимаю, что исторический поток – это даже не река, а, скорее, канал, выкопанный руками людей, так называемых «историков». И они, как муравьи, упорно прокладывают этот канал под «мудрым» наблюдением других, облеченных властью руководителей. И именно эти лидеры не полагаются на какие-то не устраивающие их, объективные, возможно, и не существующие в обществе критерии исторической объективности. Не полагаясь на возможность неправильного, с их точки зрения, выбора направления, они сами его определяют. И, как совершенно справедливо отмечает Пьер Нора, «канал» истории эволюционирует с течением времени, он меняет свое русло.

Но вода, которая его наполняет, не возникает из ничего. Множество маленьких ручейков памяти отдельных людей подпитывает, очищает этот бесконечный информационный поток. Эти ручейки вполне могут раствориться в общем потоке, но капельки, частицы, молекулы отдельных событий составляют его несомненную основу. Ручеек памяти, разумеется, может нести в себе какие-то посторонние включения, но именно эти примеси делают его единственным и неповторимым. Эмоции могут исказить память, но они же и придают цвет и значимость тому, что вызывает такую эмоциональную окраску событий из прошлого. Разумеется, они, эти эмоции, сугубо индивидуальны, но складываются они под влиянием той среды, той повседневности, которая их породила. И в этом их социологическая ценность и объективность. И, пожалуй, самым важным фактором, определяющим возможность и вероятность слияния частных, личных капелек воспоминаний с глобальным историческим потоком, является процесс овеществления, материализации нашей памяти. Любое информационное сообщение, исходящее от человека, в нашем материальном мире может храниться и передаваться другим людям лишь на материальных носителях. Теперь, слава Богу, таких носителей и мест хранения гораздо больше, чем полвека назад, когда Вениамин Димитриевич заполнял тетради своим красивым почерком. Я перевел эти записи в цифровые носители и издал в печатном варианте. Теперь эти капельки воспоминаний хотя бы имеют надежду слиться с информационным потоком.

В одном я могу поклясться: в дедушкины записки я ничего не вставлял, ничего не редактировал. Только лишь поражался богатству его языка, образности. По сути, на его записках я учился излагать свои мысли.

Теперь вернемся к траектории Вашей собственной жизни. Пожалуйста, расскажите о Вашем знакомстве со школой, как проходила учеба... .

В сентябре 1956 года дедушка отвел меня в начальную школу. Школа располагалась на улице Мясницкой, на углу с улицей Горной, там, где заканчивался садик имени комсомольцев-героев Краснодона. Школа была маленькая, начальная, но дедушка меня отдал туда потому, что он очень хорошо знал возможности и умения всех учителей в Саратове. Почти 30 лет он работал в педагогическом училище и знал всех и учителей, и директоров саратовских школ. Наша классная руководительница была строгая, серьезная седовласая женщина, но очень милая, Мария Николаевна. Я проучился в этой школе только один год, но за это время я научился и считать, и писать, и в рисовании добился определенных успехов.

А во второй класс дедушка определил меня в другую школу, в только что открывшуюся в Саратове специализированную английскую школу номер 42. Директором этой школы была тоже бывшая студентка дедушки, уже знакомая нам Эчбергер Вера Филипповна. Как сейчас помню, дедушка привел меня на собеседование к директору, а в эту школу поступить было достаточно трудно, был конкурс. Вера Филипповна задала мне довольно простой вопрос: как ты, Володя, будешь добираться до нашей школы? Помнится, я ответил, на каком трамвае я доеду до какой остановки, дальше пойду пешком. Этот ответ удовлетворил директора, меня определили во 2-й класс школы.

За время учебы школа несколько раз меняла свой адрес: начинали мы учиться на Бабушкином взвозе, на углу Мичуринской улицы. Там была маленькая 2-этажная школа, она располагалась в этом здании всего лишь несколько лет. Напротив школы, вниз, почти до самой Волги, спускался узенький, но очень уютный садик, который в Саратове именовался «Собачьими Липками». Весной и осенью на большой перемене мы перебежали улицу и играли там.

Учиться в школе было интересно, особенно нравились мне уроки истории, когда мы «проходили» княжества древней Руси. Потом, через пару лет, мы перебрались в здание побольше. Новая наша школа размещалась во дворе на улице Радищева, там, где в неё упирается улица Советская. В этом здании мы проучились до восьмого класса. Это была прекрасная школа, около нее был небольшой садик, была площадка для летних игр, был огород для кабинета биологии. Все было замечательно. А в начале шестидесятых годов мы перебрались в совершенно новое здание школы, отстроенное недалеко от вокзала на улице имени 20 лет ВЛКСМ, теперь это улица названа Большой Казачьей. Это была прекрасная четырехэтажная школа, в которой я учился до 10 класса и получил аттестат об окончании школы. Надо сказать, что в школе я особыми успехами не блистал. Был «хорошистом». Хотя прошу поверить, что до сих пор неплохо говорю по-английски.

Никогда не забуду случай, когда к нам, уже где-то в 10 классе, наверное, пришла новая учительница истории Англии. Тогда нам этот предмет преподавали на английском языке. И вот эта молодая учительница задала вопрос о войне Алой и Белой Роз. И ее выбор отвечающего ученика пал на меня. Я совершенно ничего не знал и не помнил об этой войне. Но я мог бегло говорить по-английски. Поэтому я смело вышел к доске. Не смущаясь, стал рассказывать о битвах, поражениях, о взятии крепостей, переходах через какие-то мосты, переправы, о рыцарях и их доблестных оруженосцах. Учительница, замороженная моей болтовнёй на тему популярного тогда польского фильма «Крестоносцы», едва не открыв рот, слушала беглый и правильный английский язык. Скорее всего, это был ее первый урок и встреча с учениками английской школы. Возможно, она даже не прислушивалась к тем сомнительным фактам из истории Англии, что я излагал. Но, я думаю, что и она не слишком-то разбиралась в вопросах средневековой военной стратегии Тюдоров. Я получил пятерку. Во время моего наглого спича все одноклассники прятали глаза и пытались скрыть свои улыбки, поскольку все понимали, что, отвечая на конкретный вопрос, я городил полную чепуху. На другой день, когда у нас снова была история, эта юная учительница, наверное, заново проштудировала исторический материал, прочитала про историю войны Алой и Белой Роз. И в мою сторону вообще старалась не смотреть. Какое-то время она относилась ко мне довольно прохладно, но потом мы с ней помирились.

Английская школа была, скажем так, одной из самых престижных школ Саратова. Затем в нашем городе появились и другие элитарные учебные заведения: математическая школа и французская. Но многие родители, выбирая школу для своих выдающихся чад, тогда уже понимали, что знание иностранного языка – это очень важный аргумент для построения будущей карьеры и жизни. Ходили даже легенды, что после нашей школы запросто можно поступить в МГИМО. И дедушка мой, судя по всему, понимал это гораздо лучше всех. Впрочем, теперь, после изучения его мемуаров, думаю, что Вениамин Димитриевич отчетливо осознавал полную бесперспективность построения дипломатической карьеры для юноши из провинциального города. Для мальчика из интеллигентной семьи, не имеющего никаких связей в партийных кругах. Теперь я думаю, что ему и бабушке было известно и о сосланном в Сибирь старшем брате Ираиды Аркадьевны, и о расстрелянном её младшем брате. Просто дедушка очень хорошо представлял себе тот высокий уровень образования, который могла дать эта элитарная школа по сравнению с остальными средними школами нашего Волжского района. И он понимал, что знание иностранного языка, заложенное в подсознание ребенка в его детстве, сохранится на всю жизнь. Возможно, мой дедушка верил в то, что образование определяет и будущую жизнь человека и его место в этой жизни. А основа всего – это твердые знания, полученные в школе.

Но до меня это очень долго не доходило. Я страшно переживал из-за того, что мне приходится ездить в школу на другой конец города, тратить на поездку много времени. И уроков-то у нас в школе было всегда на 1–2 больше, чем в той самой 10-й школе около кинотеатра «Маяк», в которой учились все мои друзья по двору. Я очень переживал, что они уже играли, а я еще только-только приходил из школы. И домашних заданий приходилось выполнять гораздо больше, чем им. Я много раз ныл и спрашивал своих родителей, зачем мне нужен этот английский язык. Ведь я уже тогда понимал, что Саратов – закрытый город, встретить здесь иностранцев мне никогда не удастся. Поговорить, пообщаться на английском было не с кем. Книг на английском в Саратове не продавали, настоящих английских или американских газет не было. Поэтому я не понимал, зачем мне нужен этот ненавистный английский язык, отнимавший столько моего чрезвычайно важного детского времени. Вопросы эти я задавал родителям постоянно, но после смерти бабушки мама и папа не могли дать на них вразумительного, устраивающего меня ответа. Поэтому учеба в школе продолжалась как бы по инерции. Только через много лет я смог осознать и оценить всю мудрость моего дедушки и важность принятого им решения обеспечить мне с детства знание иностранного языка. Отличником я не стал, но твердым «хорошистом» был на протяжении всей учебы.

Количество учеников в каждом классе «английской» школы было очень небольшим. В нашем классе училось не больше 20 человек, причем мальчишек было всего пятеро. Мы общались, встречались, но особо дружеских отношений у меня ни с кем из одноклассников не сложилось. Скорее всего, в школе я чувствовал себя немного «белой вороной». Имело место некоторое противоречие. Я был мальчиком из такой части Саратова, которая не была уважаема теми, кто каждый вечер имел возможность гулять по проспекту. Это в те далекие годы появления «стиляг» в больших городах называлось «прошвырнуться по Бродвею». Я жил далеко от проспекта и никогда по вечерам туда не выходил. В общем, то время, которое сейчас даже изучает кинематограф (вспомните фильм Тодоровского «Стиляги»), это время как-то прошло мимо меня.

Но в школе учиться, как я теперь понимаю, было очень интересно. Мы действительно впитывали в себя знания, как губка. Впрочем, и кроме образовательных программ, в школе было много забавного и интересного. Мне запомнился медицинский кабинет. Хозяйкой этой небольшой комнатки на третьем этаже школы была крупная, красивая женщина, медсестра. В этом кабинете нас осматривали, отпускали заболевших домой. В нем же нам делали прививки. А прививок я с детства очень боялся. В ожидании, как мне представлялось, очень болезненного укола у меня начинали дрожать коленки. Но как-то вот эта красавица ко мне была душевно расположена, что я и использовал для того, чтобы любыми способами отвертеться от обязательных прививок. Я продемонстрировал ей, что могу неплохо рисовать, и предложил изготовить для медицинского кабинета важную стенную газету, которую, как сейчас помню, мы с ней называли «ШПРИЦ». На большом листе ватмана я рисовал акварелью огромный реалистичный шприц с острой иглой. Потом хорошим почерком писал туда заметки о пользе санитарного просвещения. Эта, можно сказать, стенная периодика, поскольку я нарисовал не менее десятка газет, способствовала тому, что по медицинской части наша школа при проверках всегда занимала первое место в городе. Моя обожаемая медсестра была в восторге, а я был очень рад, что мне никогда не делали никаких прививок.

В школе мы и выросли, и влюблялись, и ходили на школьные вечера, участвовали в театральных постановках, в каких-то соревнованиях, в выставках. Сейчас уже трудно вспомнить все те общественные и комсомольские движения и мероприятия, в которых мы участвовали. Но вот некоторые, довольно своеобразные этапы взросления запомнились очень хорошо.

Как-то мы, уже где-то в классе, наверное, десятом вообразили себя взрослыми. Начали нагло покуривать в туалете уже класса с восьмого. Сумели как-то незаметно пристраститься к запретному, а значит, притягательному алкоголю. Наверное, хотели выглядеть постарше.

Сейчас мне все происходившее тогда с нами представляется странным и смешным. Но тогда все было взаправду. На пять человек мальчишек мы каждый день выпивали бутылку рома. И такие возлияния продолжались целыми неделями. Тогда в Саратове появился венгерский ром. Он продавался почти во всех магазинах в поллитровых бутылках, темно-коричневый, очень вкусный, с таким своеобразным шоколадным привкусом. А для нас этот напиток ассоциировался еще и с терпким вкусом внутренней свободы, воспетой обожаемым всеми нами Хемингуэем. К тому же ром был единственным и самым главным упоминаемым напитком в «пиратских» романах, например, о приключениях капитана Блада. А синие моря, паруса, битвы – все это было так романтично! И так щедро сдабривалось ромом, который герои пили прямо из горлышек бутылок. Но до этого мы только в мечтах могли вообразить себя морскими разбойниками, особенно когда горланили знаменитую пиратскую песню: «Пятнадцать человек на сундук мертвеца! И бутылка рома!» Что такое ром, мы представляли себе довольно смутно. И вот, уж даже не знаю откуда, появлялись у нас, школьников, деньги, и каждый день мы раздобывали бутылку венгерского рома. И на пятерых распивали её в туалете или где-то в раздевалке, закусывая маленькой шоколадкой, а потом шли на уроки, такие веселые, довольные, независимые. Море было нам по колено.

Но вот, как сейчас помню, однажды всех нас после такой выпивки слегка развезло. Мы сидели на уроке в кабинете физики. Урок вел наш учитель физики Михаил Дмитриевич Беневоленский, добрейший человек с огромной, страшной, рыжей бородой и круглыми выпяченными щеками. Прогуливаясь по классу, он обнаружил, что мы все сидим в задних рядах немного «неадекватные». Михаил Дмитриевич опытным взглядом фронтовика сразу определил, что мы выпившие. И своим возмущенным фальцетом, который совершенно не гармонировал с его представительной, неординарной внешностью, грозно сдвинув брови, он шёпотом отчитал нас: «...Как вы смели так поступить! Немедленно вон с урока, идите домой, проспите, маленькие негодяи!» Мы с позором, пряча глаза, выползли из кабинета. К счастью для нас, этот инцидент не получил огласки, и вскоре наше стремление к познанию экзотического для Саратова крепкого напитка угастро как-то само собой.

Мы очень любили Михаила Дмитриевича, потому что он никогда не доносил директору о наших неудачных поступках. Он был очень добрым человеком. Он прощал нам наши слабости, прекрасно понимая, что переход из детства в отрочество не всегда бывает гладким. Помню, когда он неожиданно врвался в туалет во время наших лихих перекуров. При этом он всегда грозно хмурил густые брови, кажется, даже размахивал руками и свирепо нас «увещевал». Аргументы он приводил не столько против курения, сколько против нашего непедагогического поведения: «Как вы смеете тут вот, в туалете курить?! Ну, ладно, вы уже взрослые, но ведь рядом малышня, третьеклассники! Чему вы их научите? Гоните их в шею!»

И он нас всех любил, мы это чувствовали. Все его уроки были очень интересны, он показывал замечательные физические опыты, во время которых нас, взявшихся за руки, легко било током от электрофорной машины. На огромном столе перед классной доской проходили какие-то безумно интересные эксперименты, что-то даже частенько взрывалось. Причем Михаил Дмитриевич очень красиво рассказывал нам о физических явлениях, но, как я сейчас понимаю, очень не любил решать сложные физические задачи. И мы сами тоже не умели, да и не любили их решать, но физику мы знали хорошо. Благодаря дорогому Михаилу Дмитриевичу, мы понимали сущность физических явлений, как, впрочем, и химию, которую нам прекрасно преподавали на уроках со всеми химическими опытами.

Самыми моими любимыми уроками были уроки биологии в кабинете на втором этаже. Биологию у нас вела очень милая женщина, Галина Людвиговна. В биологическом кабинете стояли аквариумы, террариумы, какие-то чучела лисиц, птиц. Именно на уроках биологии несколько мальчишек из нашего класса пристрастились к аквариуму. Прозрачная вода, зеленые водоросли валлиснерия с длинными струящимися по поверхности узкими листьями, между которыми плавали яркие сверкающие гуппи и красные меченосцы. Очаровательный запах этой аквариумной воды. Это было замечательно. Увлечение аквариумом у меня осталось на всю жизнь.

Увлекался я в школе и театральной студией, мечтал сыграть роль Д'Артаньяна. С огромным энтузиазмом я посещал последние два года учебы в школе кружок балльных танцев во Дворце пионеров, где вообще считался чуть ли не лучшим танцором.

Зная о том, что Вы – профессиональный фокусник, иллюзионист, хочу спросить: это увлечение пришло к Вам в школе?

Но все мои увлечения были забыты, когда я начал учиться показывать фокусы. И до сих пор я, уже пенсионер, не могу остаться равнодушным, когда увижу новую, неизвестную мне фокусную комбинацию или новый трюк.

Я увлекся фокусами в 1963 году, когда был учеником 7 класса; увидев первый фокус, я сразу же понял, что мечтаю творить чудеса. Увлечение практически мгновенно превратилось во всепожирающую страсть. Тем самым оно приобрело несколько патологический характер, отодвинув в сторону все мои предыдущие увлечения. Я перестал ходить в спортивную секцию по фехтованию, перестал чистить свой аквариум, почти перестал читать книги и рисовать акварелью. Единственное, чем я начал заниматься с еще большей заинтересованностью, – это посещение кружка бальных танцев. Наверное, я понимал, что это должно мне пригодиться, если я хочу стать настоящим артистом. К тому же там мы танцевали с очень симпатичными девушками, и я живо представил, как мои будущие фокусы смогут протоптать тропинку к их неприступным сердцам... Протаптыванием этих волшебных тропинок, в общем-то, не без успеха я и занимался все последующие годы.

А узнал я про то, что фокусы можно научиться показывать самому, из первой книжки Арутюна Акопяна «Десять фокусов». Возможно, она называлась немного иначе. Ее мне подарила моя одноклассница Нонна Геллер, сейчас уже отошедшая в мир иной. Царствие ей Небесное... Вот с этой книжки и началось все моё фокусное самообразование.

Поэтому я зачитывался книгой старшего Акопяна и сразу же пытался повторить все эти трюки. Большая часть фокусов уже тогда показалась слишком простой и неинтересной, я их сейчас и вспомнить не могу. Но один фокус меня просто потряс. Это был трюк с веревкой, которую разрезают, а потом снова делают целой. С тех пор я узнал еще два десятка секретов этого классического трюка, но именно тот вариант, описанный Арутюном Акопяном, до сих пор остается в моем репертуаре. Для семиклассника, который вообще не знал ни одного фокуса, в этой книге открылся целый мир, полный тайн, секретов и очарования. Я влюбился в «оригинальный жанр», как именовали тогда фокусы. И эта любовь, как оказалось, всю мою жизнь прошагала рядом со мной. Подчас фокусы вели меня вперед, я мог думать только о них. С годами чувство становилось только сильнее.

Уже через месяц я наизусть знал и умел показывать все 10 фокусов из книги, и жажда поиска новых трюков стала меня преследовать и жечь изнутри. Я начал охоту за секретами. Ни у одного из моих приятелей книг по фокусам не было. В магазинах, когда я спрашивал такие книги, на меня смотрели с недоумением. Ни одного фокусника в Саратове я не знал. И вот тут-то в центральной библиотеке посчастливилось найти книгу Алли-Вада «Искусство фокусов». На дом ее не давали, поскольку она в единственном экземпляре была только в читальном зале. Сначала я часами ее там читал, тихо проклиная этот ненавистный зал, поскольку там не было зеркала, чтобы сразу попробовать манипуляции с картами из книги. Потом я начал переписывать от руки и рисовать в тетрадь все иллюстрации, поскольку тогда никаких ксероксов не было. Фотографировать книги также строжайше воспрещалось.

Вот и приходилось мне использовать свои навыки рисования, полученные в художественной школе. А уж дома перед зеркалом я тщательно отрабатывал все пасировки, вольты, пальмирование и другие приемы, которые для меня были полным откровением, открытием нового мира.

Одновременно с разучиванием приемов и новых трюков я делал самые робкие попытки объединить их в иллюзионный номер. И уже в девятом классе стал звездой школьной самодеятельности. Я купался в лучах славы...

Не помню всего иллюзионного номера, только отдельные фрагменты. Уже тогда я знал секреты довольно сложных фокусов и самостоятельно изготавливал реквизит. А номер был таким. На столе стоял стакан с водой, еще один маленький стаканчик с молоком и еще несколько стаканов, один больше другого. Я доставал из кармана пачку сигарет. Как раз в это время в России начали появляться в продаже зарубежные (в основном польские и болгарские, затем еще кубинские) сигареты в ярких пачках, затянутых в целлофан. Я делал магические пассы и из пачки медленно «вырастала» вверх сигарета. Я подхватывал ее, на мгновение опускал в стакан с водой и начинал катать между ладонями. Раздвигал ладони в стороны. Сигарета превращалась в денежную купюру. Как сейчас помню, это была трехрублевая купюра.

Запомнил я это очень хорошо, потому что в нашей школе «гоняли» мальчишек за курение. Как, впрочем, и в других школах. Но при этом практически все мои сверстники курили чуть не с пятого класса. Я сам начал курить с восьмого, т. е. с 1964 года и курил до 1982 года. Но с тех пор ни разу не держал во рту сигареты. Бросил курить, кстати, совершенно «магическим» образом. В дальнейшем расскажу и об этом своем «фокусном» опыте.

Как сейчас помню, зал просто замер, когда примерный ученик на сцене достал из кармана пачку сигарет. Мертвая тишина, все ждут, чем это закончится. И вдруг в тишине громкий голос возмущенной директрисы: «Володя, что ты себе позволяешь! Немедленно убери папиросы!» А я, в полном восторге, что могу это себе позволить: «Вера Филипповна! Ведь это только фокус... И, вообще, нет у меня никакой сигареты!» В этот момент сигарета превращалась в три рубля. Зал взорвался аплодисментами. Теперь-то я понимаю, что, наверное, аплодировали не фокусу. Все были в восторге от того, как я «срезал» строгую директрису.

А дальше был фокус с молоком, когда молоко из маленького стаканчика я переливал в больший. Потом еще в больший. И так – три раза. При этом объем переливаемого молока увеличивался чуть ли не в десять раз! Горжусь до сих пор тем, что сумел в кабинете химии подобрать и выпросить для номера кучу разных химических стаканов...

И вот так я «варился» в собственном фокусном соку до первого курса института. А на первом курсе подружился сразу с тремя саратовскими фокусниками, которые были старше, опытнее меня. У них я многому научился.

В мои 68 лет, когда я пишу эти строки, должен признать, что почти всегда я оставался «маменькиным сынком». И вся моя жизнь была, как я теперь понимаю, заранее выстроена моей мамой. И она никогда не любила те самые фокусы, которые к моменту окончания школы захватили меня целиком. Вообще, с моим увлечением фокусами, как могли, боролись мои родители. Они очень хотели, чтобы я занимался научной работой, чтобы стал преподавателем, поэтому все время показывали свое отрицательное отношение к фокусам и ко всем тем, кто сделал иллюзионизм своей профессией. Я совершенно серьезно хотел поступить в цирковое училище после окончания восьмого класса школы. Но родители слезно просили меня окончить школу, а уж потом поступать «в артисты». Я, как примерный сын, не мог противиться воле родителей, поэтому оставил эту идею и закончил школу. Окончил школу так себе – большинство оценок «четверки». Ну, а когда я после школы в 1966 году

собрался поступать в цирковое училище, папа с мамой стали просить меня окончить институт, а уж потом заниматься своими «глупыми фокусами». Пришлось поступать. А уж когда поступил, то учиться надо было только на «отлично». Дело в том, что мой папа Свечников Серафим Вениаминович работал преподавателем в этом институте. И я, разумеется, должен был стать лучшим студентом, чтобы папе не пришлось «краснеть» за меня.

Я совершенно не хочу упрекнуть своих родителей в том, что они за меня «спланировали» мою жизнь и карьеру. Теперь я прекрасно понимаю, что они желали мне только добра. Они пережили войну, все тяготы той жизни. Они видели все недостатки и все барьеры на пути вверх мальчишка из провинциальной интеллигентной семьи. И они, возможно, интуитивно, поскольку они никогда не говорили со мной на эту тему, были уверены, что успех и процветание в СССР лежат на пути увеличения личных знаний и умений. И если у молодого человека нет никаких привилегий и возможностей за счет своего «удачного» рождения или связей его родителей, то единственный путь наверх заключен в его самообразовании и самосовершенствовании. Впрочем, это понимание действительности не потеряло своей актуальности и в наши дни. Еще раз хочу подчеркнуть — я низко кланяюсь моим дорогим Дедушке, Бабушке, Папа и Маме за то, что они помогли мне достичь всего, что у меня есть в этой жизни.

В какой институт Вы поступили и, как говорится, на кого учились? Какие предметы Вам были наиболее интересны? Наверное, еще в школе Вы стали комсомольцем, насколько активны Вы были в общественной работе в период студенчества?

С моим школьным аттестатом я не мог претендовать на какой-либо престижный вуз. В 1966 году поступать в институт было довольно сложно: во всех школах Советского Союза в тот год было, благодаря очередной проведенной реформе, два выпускных класса, 11-й и 10-й. Я закончил 10 классов. Конкурс во все институты и университеты был двойной. Поскольку я был всего лишь хорошистом, а не отличником, на семейном совете было принято решение, что я пойду учиться на инженера-электрика в Саратовский институт механизации сельского хозяйства. Дело в том, что мой папа уже много лет работал в этом институте. Он пообещал, что поступить-то он мне поможет на все 100%. Поскольку я, честно говоря, немного трусил идти в другие институты, да особенно и не чувствовал никакого стремления к любой профессии (я хотел заниматься только фокусами), я согласился на будущую профессию инженера-электрика сельского хозяйства. У меня все сомнения были в отношении лишь одного предмета — химии. С сожалением могу констатировать, что и теперь я эту дисциплину не знаю и не понимаю.

Разумеется, папа помог мне поступить в институт. Но вот когда я уже стал студентом, понял, что должен учиться очень хорошо, поскольку не могу подвести своего папу, к которому все в институте относились с большим уважением.

Учиться в институте мне было довольно легко. Все-таки оказалось, что английская школа давала отличные знания не только по иностранному языку, но и по всем другим предметам. С английским языком, кстати, все оказалось гораздо проще, чем можно было ожидать. Нас в одной группе училось три человека из английской школы. Мы все вместе пришли на кафедру иностранных языков, немножко поговорили с преподавательницей английского языка, и она нам прямо сказала, что мы можем не ходить на ее занятия, так как ничего нового мы в институте в языковом плане не получим. Нам сразу же пообещали поставить отличные оценки за все два года

изучения иностранного языка в институте. По другим предметам все тоже сложилось великолепно. Я понимал и физику, и историю, и математику, легко отвечал на всех семинарах. Единственное новое затруднение, кроме всё той же химии, у меня вызвал новый для меня предмет – начертательная геометрия. Самое интересное то, что и мой папа, и моя мама к этому времени были преподавателями черчения и начертательной геометрии. А вот я, сидя на лекциях, вдруг обнаружил, что ничего не понимаю из того, что лектор чертит на доске.

После первой или второй лекции я обратился к своим родителям: «Расскажите мне, что это такое! Я ничего не понимаю в этих чертежах прямых линий, в точках, в проекциях, в плоскостях!» На это папа мне ответил очень спокойно: «Володя, ваш лектор – одна из самых замечательных педагогов в институте, поэтому тебе просто нужно сидеть, внимательно слушать и постараться разобраться». В общем, все так и получилось, где-то на третьей лекции у меня что-то щелкнуло в голове, я сказал себе: «Батюшки да, ведь это все так просто!» Я понял все, что чертила на доске наша преподавательница. Понял настолько хорошо, что всем остальным студентам своей группы (а 90% ничего не понимали в начертательной геометрии), я за какой-то месяц начертил на больших листах ватмана курсовые работы, которые нужно было сдавать. К этому времени мама научила меня профессионально затачивать карандаши, пользоваться рейсшиной. Это было и для меня практикой, и ребята были очень довольны. В конце концов, все мы получили зачет и сдали экзамен по начертательной геометрии.

На первом курсе у меня как-то само собой сложилась традиция, что в каждую сессию я сдавал не больше одного экзамена. На практических и на лабораторных занятиях практически по всем предметам я отчитывался вовремя. Преподаватели с удовольствием ставили мне отличные оценки, что называется, автоматом, поэтому все зимнюю сессию я катался на лыжах. И в летнюю сессию я мог проводить время на даче, отдыхать, заниматься своими любимыми фокусами. Еще приятнее было то, что папа, возвращаясь с работы, передавал мне лестные отзывы от своих друзей-педагогов о моих знаниях и успехах в учебе.

Особенно интересно в институте мне было на занятиях по истории и по философии. Наверное, я уже тогда ощущал себя больше гуманитарием, чем «технарем». От дедушки осталась весьма интересная библиотека еще дореволюционных книг по истории, психологии, философии. Я их почти все внимательно читал и конспектировал. Особенно интересной мне показалась толстая книга профессора Челпанова, которая называлась «Мозг и Душа». Подзаголовок у нее стоял очень интересный: «Критика материализма». Это была просто находка для юноши, который хотел показать себя не только знатоком философии и психологии, но и немного критиком господствующего в СССР философского учения марксизма и материализма.

И вот на все семинары по философии я готовил свои ответы исключительно по этой книге. Поэтому и занятия проходили не только для меня, но и для всей нашей группы интересно. Все семинары превращались в некие дискуссии между преподавателем и мной. Особенно приятно осознавать то, что в те довольно сложные времена конца эпохи «хрущевской оттепели» преподаватель наша была настолько мудрой женщиной, что всегда мне ставила пятерки.

За время учебы в институте я получил только одну двойку на экзамене по электрическим машинам. Лектором и преподавателем, который принимал у нас экзамен, был Николай Ефимович Биркун. Он давал нам весьма обстоятельные лекции, которые я тщательно конспектировал. Сидел я всегда на первом ряду, чтобы все хорошо

видеть и слышать. И вот, когда я готовился к экзамену, а в билетах было вопросов почти 100 штук, я повторил и вспомнил из них 98 вопросов, а два последних уже сил не было разбирать и вспоминать. Я просто махнул рукой, решил, что они мне не достанутся. На другой день утром пришел на экзамен. Взял билет и с ужасом увидел, что первый вопрос был такой, что я его знал, а вот два других были как раз те самые, которые я не успел повторить. Когда сел отвечать, я бодро ответил на первый вопрос. Биркун удовлетворительно кивнул и предложил перейти ко второму вопросу. Я со вздохом сказал, что второй и третий вопрос не знаю. Николай Ефимович вернул мне зачетку и сказал: я ставлю вам два, неудовлетворительно. Приходите завтра на консультацию.

Совершенно пристыженный, я возвратился домой, ведь это была первая двойка в институте, причем по предмету, в котором я неплохо разбирался. Но я прекрасно понимал, что виноват в таком провале только сам. Я ходил на консультации все несколько дней, а потом пришел на пересдачу. Вытащил билет, в нем снова оказалось все то же самое, те же два вопроса, на которые теперь я ответил очень четко. И Николай Ефимович, глядя на меня, сказал: «Вот, Володя, я ставлю вам отлично! Вы поймите, я мог бы поставить вам троечку в первый раз, но я видел, что вы посещали все лекции, что вы знаете мой предмет гораздо лучше, чем отвечали в тот раз. Именно поэтому я поставил двойку, чтобы вы пришли и пересдали экзамен на отлично. Думаю, что вы вполне можете претендовать на “красный” диплом с отличием. Всего вам доброго».

Помню великолепные лекции Николая Михайловича Соколова по технике высоких напряжений. Заходя в аудиторию, он начинал размеренно, очень красивым, четким голосом рассказывать нам случаи из своей жизни. И все эти случаи, связанные с электроэнергетикой, были настолько интересны, что все мы слушали, затаив дыхание и открыв рот. Впрочем, после лекции в конспекте ничего, кроме даты этой лекции, не оставалось, но вот это общее впечатление великолепной эрудиции и знания предмета просто завораживало.

Практические занятия по математике у нас вела очень симпатичная женщина Тамара Васильевна Сергеева. Задачи по математике я решал довольно-таки легко и свободно. Но я никогда не мог запомнить наизусть все те таблицы дифференциалов и интегралов, с помощью которых надо было решать уравнения. Я всегда заглядывал в таблицы, написанные на традиционных шпартгалках-гармошках. И вот Тамара Васильевна мне сказала: «Свечников, я все-таки заставлю вас выучить эти таблицы! Во время следующей контрольной я буду смотреть исключительно за вами, чтобы вы не могли списать». Я ответил: «Тамара Васильевна! Смотрите как угодно внимательно, я все равно спишу». В тот день я уселся на первую парту. Достал чистый листок бумаги, шариковую ручку и самым первым решил все задачи. Тамара Васильевна прямо на занятии просмотрела мою контрольную работу, поставила «отлично» и сказала: «Ну, вот, Володя, значит можно все-таки выучить. Я очень рада». В ответ на это я с удовольствием подарил ей ту шариковую ручку, которой и решал всю эту контрольную. Вечером предыдущего дня на всех гранях этой ручки с помощью иголки выписал всю таблицу интегралов. И теперь просто-напросто поворачивал ручку, чтобы с ее граней было удобно списать необходимую формулу. Сергеева рассмеялась, но с удовольствием приняла от меня подарок, погрозив мне пальцем. Инцидент был исчерпан. Но вот до сих пор я абсолютно уверен, что при решении математических

задач надо понимать, как-то чувствовать алгоритм их решения, а запоминать наизусть все эти горы формул совершенно не нужно. Есть гораздо более интересные вещи, которые хотелось бы запомнить.

Хочу вспомнить еще одного великолепного электрика-практика Петра Михайловича Иванова. Он был заведующим лабораторией кафедры электроснабжения промышленных предприятий. Лабораторные работы располагались на стендах и представляли собой огромные конструкции с десятками клемм, на которых мы собирали разные схемы, включая в них амперметры, вольтметры, ваттметры, счетчики и многие другие приборы. Сначала нужно было собрать всю электрическую схему для проведения лабораторной работы, затем показать ее лаборанту, получить «добро» и только после этого можно было проводить все измерения. Схему собирали всегда очень долго, сразу несколько человек проверяли. Потом подзывали Петра Михайловича посмотреть, что у нас получилось. И каждый раз он подходит он к нашему стенду, взглянет мельком, приподняв несколько проводов из собранной нами путаницы, и говорит: «Неправильно. Разбирайте все и собирайте заново». Это было ужасно, мы все очень долго мучились, не успевали сделать лабораторную работу, переживали свое неумение. И вот однажды, когда в лаборатории никого не было, я подошел к Петру Михайловичу и попросил его научить, как можно быстро и правильно собирать вот все эти десятки проводов в нужную схему. Петр Михайлович лукаво улыбнулся и сказал: «Все очень просто. Надо лишь сначала собирать все токовые цепи, а лишь потом в них включать вольтметры, ваттметры и остальные приборы». С тех пор все лабораторные работы я собирал очень быстро, и никаких нареканий со стороны лаборантов у нас не было. Кстати, когда через несколько лет я начал преподавать электротехнику в профессионально-техническом училище, первое, чему научил своих студентов, это вот этому способу собирать электрические схемы. То, чему научил меня в свое время Петр Михайлович, пригодилось мне на всю мою остальную жизнь.

Довольно быстро подошло и время написания и защиты дипломного проекта. Я сделал его очень быстро. Времени оставалось много, и я решил немного «повыпендриваться». Все чертежи я сделал не карандашом, а тушью, хотя никто этого и требовал. Выглядели они замечательно. Но мне и этого показалось мало. Я перевел весь свой доклад на английский язык и добился разрешения защищать диплом на английском языке. Договорился с одним моим другом, что он будет переводить меня во время доклада. Члены комиссии сидели с каменными лицами, вопросов почти не задавали. Кажется, это была первая защита на иностранном языке в этом вузе. Я получил отличную оценку и рекомендацию в аспирантуру.

Во время моей молодости многие ребята стремились поступить в институт еще и потому, что во время учебы в институте они освобождались от службы в армии, а если в институте была и военная кафедра, то студенты автоматически получали звание лейтенанта и тоже освобождались от службы в армии. В нашем институте такая кафедра была. На ней из нас готовили командиров взводов плавающих танков ПТ-76. И после защиты дипломного проекта на три месяца нас, всех студентов мужского пола, отправляли под Казань в лагерь Казанского танкового училища. Три летних месяца мы жили там как рядовые солдаты, ходили в наряды, бегали кроссы, сдавали тактику, собирали и разбирали на время автоматы, стреляли из пушек, водили танки;

в общем, все было очень интересно. В конце получали звание лейтенанта танковых войск. Это было очень важно, потому что мы становились офицерами и ни в какую армию уже не отправлялись.

Под конец нашего пребывания в лагерях все ужасно соскучились по дому, по простым гражданским делам. Читать было нечего, и каждый занимался тем, что мог себе придумать. Когда мы поездом возвращались в Саратов и нам выдали нашу гражданскую одежду, оказалось, что брюки никто не может надеть – они сантиметров на двадцать стали шире в талии, чем нам было нужно. Все прилично похудели. Пришлось раздобывать где-то ремни и в них, в ремнях, делать дополнительные дырочки. Я похудел в этих лагерях на 25 килограммов. Приехал стройным.

Годы моей учебы в институте пролетели очень быстро. Мне и еще пятерым студентам из нашего выпуска торжественно вручили «красные» дипломы инженеров-электриков и рекомендации для поступления в аспирантуру. Я выполнил просьбу родителей. И я понял, что научился неплохо разбираться в электричестве. Поэтому я сам объявил им, что не пойду в артисты, а буду поступать в аспирантуру.

Институт я окончил в 1971 году, из 96 предметов, по которым были выставлены оценки и зачеты, у меня была только одна «четверка», остальные пятерки. Из всего курса нас, вот таких отличников, было человек шесть. Все мы получили рекомендации для поступления в аспирантуру, все, кроме меня, поступили сразу же, а я решил подождать: профессор Соколов Николай Михайлович тогда по принципиальным соображениям ушел с заведования кафедрой в институте механизации сельского хозяйства. Он собирался переходить в политехнический институт.

К другим научным руководителям мне как-то не очень хотелось идти, потому что я был влюблен в лекции, которые читал Николай Михайлович. Он был настоящим русским интеллигентом с огромной эрудицией и опытом. Поэтому я решил подождать с карьерой научного работника. Да и фокусы продолжали будоражить мое воображение и я совершенно серьезно думал о поступлении на работу в Саратовскую филармонию.

Я не имел никаких предпочтений в выборе будущей профессии. Большой друг моего папы помог мне получить свободное распределение. Я не должен был ехать по разнарядке в колхоз. Аспирантура была замечательной альтернативой. Но пару лет поработал в проектно-институте. В это время, работая с чертежами в институте, я сделал для себя неожиданное открытие. Оказалось, что далеко не все могут легко читать чертежи и по двум или трем проекциям представлять себя внешний вид, форму детали. У меня это как-то получалось само собой. Это казалось совершенно естественным свойством мышления, я считал, что все вокруг имеют такое же развитое пространственное воображение. Но вот в проектно-институте я вдруг увидел девушку, три дня сидевшую над одним чертежом и печально всхлипывающую. На глазах у нее блестели слезы. На мой вопрос, что ее так огорчает, она смущенно призналась, показывая на чертеж: «Я ничего здесь не понимаю...» Для меня это был просто шок. Как это человек может не понимать чертеж?! Через много лет, впрочем, я понял, что людей без пространственного воображения вокруг очень много. Кстати, они вовсе ничем не хуже тех, кто имеет такое воображение. Люди без такого чувства просто немного другие и, наверное, умеют делать много чего еще.

В студенческие годы Вы продолжали интересоваться фокусами, думали о профессиональной карьере фокусника?

Самое большое значение в моем становлении фокусника сыграл мой добрый друг и наставник Анатолий Александрович Фурманов, профессиональный цирковой артист. Подружился я с ним в Саратовском цирке, где аттракцион Фурманова выступал в семидесятых годах прошлого века. Анатолий Александрович был, пожалуй, самым влюбленным в фокусы профессиональным иллюзионистом, которого я знал. Он мог часами обсуждать нюансы каждого своего трюка, он постоянно стремился быть в курсе всех новинок жанра. Именно Анатолий Александрович познакомил меня с зарубежной литературой и весьма редкими переводами фокусных книг. Познакомился я с Фурмановым за кулисами цирка. Зашел туда, представился. Анатолий Александрович, как это водится между фокусниками при первом знакомстве, попросил меня показать что-нибудь. Я показал вариант работы с сигаретами. Фурманов искренне удивился оригинальному и новому для него приему работы, тут же попросил показать, как это делается... и мы подружились. До самого его ухода из жизни в 1984 году мы переписывались, несколько раз встречались в Харькове, в Москве на открытии Московского Клуба Фокусников и на других съездах. Анатолий Александрович познакомил меня с абсолютно новым направлением в фокусах, не известным ни мне, ни моим друзьям-фокусникам, – с жанром ментализма.

Когда я поделился с Анатолием Александровичем своими планами стать профессиональным артистом, именно он был тем дальновидным человеком, который посоветовал мне поступать в аспирантуру, а не в цирковое училище. Он прекрасно понимал положение дел в стране и в российской культуре тех дней, которые сейчас называют эпохой брежневского застоя. Он прямо объяснил мне, что, не имея поддержки «на самом верху», даже самый талантливый артист в коррупционной бюрократической России не пробьется и рискует на всю жизнь остаться заурядным провинциальным фокусником. Не могу судить, так это было, или не так, но я почему-то сразу поверил Анатолию Александровичу. В общем-то, я, на радость своим родителям, никогда не раскаивался в том, что оставил мысль сделаться профессиональным фокусником и стал университетским преподавателем.

Была, впрочем, еще одна причина, которая заставила меня сомневаться в моем артистическом предназначении. Дело в том, что во время учебы в институте меня как активного комсомольца однажды включили в состав студенческой агитбригады. В этой концертной бригаде были собраны «выдающиеся» участники самодеятельности, которые с энтузиазмом пели, танцевали, а я показывал фокусы. В общем, многие готовы были хоть на голове стоять, лишь бы не «корячиться» все лето в строительном студенческом отряде в каком-нибудь сельском захолустье. Ведь это только сейчас стараются доказать, что стройотряды были добровольными объединениями студентов. Может быть, первые стройотряды, которые появились в конце пятидесятых годов, и были добровольными, но во время моей учебы в институте участие в стройотряде стало обязательным. И работа в таких отрядах потеряла всю романтику, была строго регламентирована, была трудной и однообразной.

Но я-то к тому времени уже считал себя настоящим артистом. Участвовал во всех смотрах художественной самодеятельности, имел кучу грамот. Так что я поначалу был несказанно рад открывшейся перспективе гастролей по Саратовской области. Но вот когда за девятнадцать дней той незабываемой поездки мы дали 25 (!) концертов, я смотреть не мог на свой реквизит. Я уже не мог улыбаться, выходя на сцену (у меня скулы сводило от заученной улыбки), я люто возненавидел все свои фокусы и повторяющиеся шутки конферансье. Я дал себе слово, что никогда не буду стараться

стать профессиональным артистом. Теперь понимаю, что всю свою жизнь я мечтал заниматься каждую минуту только тем, чем мне хотелось заниматься именно в эту минуту. Нам всегда твердили по Марксу, что свобода – это осознанная необходимость. Но что-то в этом определении меня не устраивало. Свобода и необходимость представлялись некими антиподами бытия. Совсем недавно нашел иное определение этого термина: свобода – это возможность не делать то, что тебе не хочется делать. Наверное, всю свою жизнь я так и представлял в своем воображении недостижимую личную свободу.

До сих пор продолжаю любить фокусы, это самое большое увлечение в моей жизни. Надеюсь, что научился их понимать и хорошо показывать, но я ни минуты не жалею о том, что фокусы не стали моей основной профессией. Всю свою жизнь, как мне кажется теперь, я боролся не за карьерный рост, не за высокие должности и огромные зарплаты. Я очень хотел иметь много свободного времени, чтобы заниматься любимым делом. Чего, в общем-то, и достиг, защитив в 2004 году докторскую диссертацию и получив на кафедре должность профессора.

В том далеком 1972 году я так и не дождался аспирантуры у профессора Соколова Н. М., поскольку он перешел в Саратовский политехнический институт заведовать кафедрой «Электроснабжение промышленных предприятий». Открывать свою аспирантуру он собирался лишь через год. Поэтому я, чтобы не терять времени, поступил в заочную аспирантуру по специальности «Технология металлов» к профессору Якову Мироновичу Довгалеvскому. За год моей учебы в заочной аспирантуре произошли два интереснейших, запомнившихся мне на всю жизнь «магических» события. Я столкнулся с чудесным явлением при обработке магнитотвердых сплавов и стал Лауреатом первого тура 5 Всероссийского конкурса артистов эстрады.

Какие же последствия имели два указанных Вами «магических» события?

Основная тематика научной работы на кафедре «Технология металлов» была связана с магнитной обработкой магнитных сплавов. Образцы магнитов – небольшие металлические «карандашики» – связывали тугоплавкой проволокой в «вязанку» по десять штук и нагревали в муфельной печи докрасна, выше точки Кюри – до температуры примерно 800 градусов Цельсия, при которой терялись все магнитные свойства образца. Затем карандашики извлекали из печи и помещали в мощное магнитное поле. Через несколько мгновений воздействия поля их закаляли в масле. Каждый раз меняли время, температуру и напряженность магнитного поля. Так что получались магниты с различными магнитными свойствами. Стремилась найти такие условия, при которых магниты имели бы самую большую магнитную индукцию. Для проведения измерений и сравнения структуры сплавов на торцах магнитов делали шлиф и измеряли разными приборами их магнитные свойства. Ну, а десять штук в связке – для статистической чистоты эксперимента. Вот меня – молодого аспиранта – и поставили к этой печи для работы «кузнецом-сталеваром». В огромных защитных рукавицах и очках я целыми часами огромными кузнечными клещами «тягал» раскаленные докрасна «вязанки» магнитов, обрабатывал их в колоссальном магнитном поле и закалял в ведре минерального масла. Потом складировал на металлический стеллаж, записывал все данные, вытирал пот со лба и переходил к следующему, совершенно аналогичному эксперименту. Работа, как вы уже догадались, весьма нудная, требующая минимальной квалификации и надоевшая мне уже к концу первой недели «обучения» в аспирантуре.

Работать с этими магнитами мне приходилось по вечерам, когда освобождалась печь. В лаборатории уже никого не оставалось, и я трудился в полном одиночестве. Обычно мне около печи оставляли целую кучу связок магнитных «карандашей», которая должна была быть обработана к утру.

И вот однажды под этой кучей «вязанок» остался один последний магнит, не вошедший ни в какую связку. По внешнему виду он был абсолютным близнецом магнитов из огромной кучи. Когда я закончил обрабатывать и закалять по заданному мне ранее алгоритму все магнитные связки, я решил поэкспериментировать с последним магнитом. В это время я читал какие-то книжки про сибирских шаманов. Вот и решил проделать с этим магнитом какой-то дикий шаманский ритуал.

Я раскалил его докрасна, достал клещами из печки и с шаманскими завываниями пару минут крутил его в воздухе. Потом макнул в ведро с маслом, снова покрутил в воздухе, засунул в магнитное поле, достал, снова макнул в масло... В общем, я просто шутил, представляя себя каким-то шаманом и заклинателем. Потом бросил остывший магнит к остальным на стеллаж и ушел домой.

Когда на другой день к вечеру я пришел в лабораторию, то вдруг застал в ней почти весь коллектив кафедры во главе с профессором Довгалеvским. При моем появлении все замерли, глядя прямо мне в глаза. Профессор подошел и вкрадчиво спросил, держа в руке тот самый, последний магнит: «Володя, скажите, как вы его обрабатывали?» Я честно ответил, что не помню весь процесс, просто баловался и спросил, почему это всех заинтересовало. Мне показали результаты измерений его индукции. Оказалось, что по своим магнитным свойствам этот образец превосходил все остальные магниты в десятки раз! На шлифе смотрели под микроскопом его структуру, проверяли состав сплава – всё было как у других магнитов из той же серии образцов. А вот индукция у всех остальных была примерно одинаковая, какая и ожидалась на таких магнитных сплавах, а у этого была в несколько десятков раз выше! Это было настоящее чудо, в которое никто не мог поверить. Нонсенс, которого не должно было быть! Пахло каким-то открытием в технологии обработки магнитных сплавов. Все с недоверием смотрели на меня, обработавшего именно этот магнит. Его положили в сейф для дальнейшего изучения. Все остальные магниты начали обрабатывать под моим руководством, пытаясь повторить тот самый шаманский ритуал... Несколько дней работы не принесли никаких результатов – магниты показывали примерно одинаковые параметры, ни в какое сравнение не идущие с теми, что проявились на моем образце. Вся кафедра просто ходила «на ушах», высказывались самые фантастические гипотезы, все время вспыхивали споры, обсуждения. Профессор прохаживался между печами с задумчивым видом, изредка недоверчиво поглядывая в мою сторону. Я чувствовал себя «героем нашего времени», мысленно подсчитывал размер Нобелевской премии... Такая жизнь в лучах славы продолжалась около недели.

И вдруг однажды, когда я пришел на кафедру с новыми предложениями по обработке магнитов, атмосфера творческой эйфории куда-то исчезла. За микроскопом сидела дама – доцент этой кафедры (не помню уже ее фамилии). Она оторвалась от окуляра и, повернувшись ко мне, с некоторым торжеством в голосе произнесла: «Вы знаете, я всегда говорила, что этого не может быть. Так вот вчера я снова обработала этот ваш образец, и он показал вполне обычные свойства. Это точно такой же магнит, как и все остальные...»

У меня просто рухнул весь мир перед глазами. Дело в том, что если магнитный сплав раскалить выше точки Кюри, он теряет все свои предыдущие магнитные свойства. Проведя эту операцию с уникальным магнитом, эта дама просто снова вернула его в первоначальное «девственное» магнитное состояние, в котором он находился до моего «шаманского» ритуала! Понятно, что снова придать ему те уникальные свойства, зафиксированные измерениями, которые проводила вся кафедра, никак не получалось. Как не получалось и со всеми другими магнитами. Чудо закончилось. Мадам очень грамотно придушила ту курицу, что несла золотые яйца...

После этого печального события я потерял всякий интерес к работе «сталевара» и через год был мирно и тихо отчислен из аспирантуры по собственному желанию. Ничуть об этом не жалею. Тем более, что в это время произошло другое магическое событие, которое оставило в моей памяти и судьбе глубокий след.

Все это время фокусы оставались моим самым главным и любимым увлечением. И вот, когда я поступил в заочную аспирантуру, а перед этим уволился из проектного института, передо мной встал вопрос о том, где же мне работать? И я решил пойти с предложением себя, любимого, в качестве артиста оригинального жанра в Саратовскую филармонию. Это место меня привлекало по двум причинам: во-первых, концерты проходят в основном по вечерам, так что днем я могу заниматься наукой; во-вторых, я люблю показывать фокусы.

И вот я со своим маленьким чемоданчиком пришел в филармонию на прием к художественному руководителю Анатолию Яковлевичу Левиновскому. Представился и сказал, что могу и хочу показывать фокусы. Анатолий Яковлевич скептически поглядел на меня и ответил, что сейчас этот жанр не интересен зрителям, так что такой артист им не нужен. Я, совершенно ошарашенный и убитый таким ответом, предложил все же посмотреть, что я могу делать. Анатолий Яковлевич с сожалением посмотрел на часы и сообщил, что у него сейчас нет времени, он просит прощения, но должен уехать по делам. И ушел я из филармонии «... солнцем палимый, повторяя, суди его Бог...» Разочарование от того, что художественный руководитель даже не удосужился посмотреть, что я умею делать, просто жгло меня изнутри. Впрочем, утешало то, что все, что произошло со мной, предсказывал годом раньше Анатолий Александрович Фурманов, о чем я и написал ему.

К счастью этот период разочарования и безработицы длился очень недолго, так как Николай Михайлович Соколов всё же перешел заведовать кафедрой «Электроснабжение промпредприятий» в Саратовский политехнический институт и открыл там очную аспирантуру. Я был его первым аспирантом на новом месте. Поступил я к нему в конце 1973 года. Теперь мне уже не надо было искать место работы.

Осенью 1973 года весь наш город заклеили афишами, извещающими граждан о том, что в Саратове пройдет первый тур 5-го Всероссийского конкурса артистов эстрады. Такого Конкурса в России не проводилось лет двадцать. В этих же афишах предлагалось всем участникам художественной самодеятельности принять участие в этом конкурсе и записаться на просмотр в филармонии. Я тут же прибежал, заполнил анкету и уже через месяц участвовал в жеребьевке.

В Саратов приехало больше 600 участников этого конкурса из Мордовии, Чувашии, со всего Поволжья. Артистов оригинального жанра (пантомима, жонглирование, фокусы и другие цирковые номера) было человек 10–15. Несколько дней с утра до вечера, в страшной суете проходили прослушивание и просмотр всей этой армии желающих стать победителями и звездами российской эстрады.

В один из таких дней и я вышел на сцену со своим номером. Разумеется, мой номер представлял собой компиляцию из всего лучшего, что я знал на то время из фокусов. Но соединил все это в один номер я сам. И музыку подобрал соответствующую, на мой взгляд, стилю и ритму номера. Сейчас то, что я демонстрировал внимательному жюри, называют «классикой жанра», но тогда все это выглядело достаточно прогрессивно.

А заканчивал я десятиминутный номер большой игровой картой, которая последовательно из бубновой тройки становилась четверкой, шестеркой, семеркой, восьмеркой и т. д. Кланялся и уходил. Показывал все это в строгом темном костюме, напоминающем смокинг. Номер был сделан в хорошем темпе и пользовался неизменным успехом зрителей. Как мне показалось, жюри достаточно благосклонно встретило мое выступление. Но ждать решения пришлось еще пару «волнительных» дней.

Наконец представительное жюри (а это были в основном московские режиссеры) объявило свое решение. На второй тур в Москву из всех 600 человек отобрали всего четверых участников, которых торжественно поименовали Лауреатами Первого Тура. К моей неопишуемой радости, я попал в число этих четырех счастливицев. Из Саратова вместе со мной лауреатом стала певица Жанна Рождественская. (Её дочка через год прославилась на весь мир песней Красной Шапочки – «...Можно в Африку прийти»). Вот и посмотрите, какой жесткий был отбор: на второй тур прошло меньше 1% участников! Клянусь, никогда после этого я не участвовал в таком умопомрачительном конкурсе...

В филармонии был объявлен концерт победителей и участников. Когда я готовился к своему выходу, передо мной вдруг возникла фигура знакомого художественного руководителя филармонии. И он с радостью в голосе произнес: «Слушайте, я вас прекрасно помню! Отличное выступление! Давайте у нас работать!» Я сказал, что теперь я обучаюсь в очной аспирантуре, но подумаю над этим предложением. Надо сначала съездить на второй тур конкурса в Москву. Левиновский сказал, что они в филармонии всегда будут мне рады. Прошел торжественный концерт, и потянулись будни каждодневных репетиций и улучшений номера.

Наконец, я получил фирменный конверт с приглашением. В нем я прочитал следующее: «... приглашаем Вас и Вашего аккомпаниатора прибыть в Москву, в Театр Эстрады на Берсеневской набережной для участия во 2 туре конкурса. Оплата проезда за счет Саратовской филармонии». В 1974 году съездить в Москву, да еще и за счет филармонии, было настоящим чудом. Никакого аккомпаниатора у меня, разумеется, не было. Но я моментально позвонил своему школьному другу Коле Давыдову и предложил ему поехать со мной в Москву в этом качестве. В ответ я услышал лаконично-ласковое: «Ты что, ку-ку? Я же ни на чем играть не умею!» Я расхохотался: «Все учтено могучим ураганом! Будешь играть на магнитофоне!» И через пару недель мы уже были в Москве.

До сих пор вспоминаю дни конкурса. В зале на просмотрах сидели режиссеры и директора филармоний со всего СССР. Все они приехали в поисках молодых и новых дарований, приехали «покупать» себе артистов. Сейчас, скорее всего, такая

практика давно забыта, но тогда это было в порядке вещей. На втором туре выступало несколько моих конкурентов, фокусников из других городов. Все они ревниво оберегали свои секреты и почти не общались друг с другом.

Самое интересное, что в этом конкурсе во втором туре выступали только профессиональные артисты от разных филармоний. Я оказался единственным (!) участником художественной самодеятельности, пробившимся во второй тур. До сих пор помню некий гул удивления, который прокатился по залу, когда конферансье объявил меня как аспиранта политехнического института. Я выступил, получил свою долю аплодисментов и отправился в комнату, выделенную мне за кулисами.

И вот тут-то произошло нечто такое, что может показаться фантастикой для современных молодых, да и немолодых моих коллег. Кто-то может счесть это моей выдумкой, красивой сказкой, небылицей в нашей современной России. Но то, что я вам поведаю – чистая правда ...

А произошло вот что. Через пять минут после моего возвращения в гримборную раздался стук в дверь. На мое приглашение заходить в комнату вошли двое мужчин и интересная дама. Мужчины представились режиссерами Москонцерта и Росконцерта, а дама оказалась уже вышедшей на пенсию цирковой гимнасткой. К сожалению, моя память не сохранила их имен. И режиссеры в один голос заявили, что я и мой номер им очень понравились, и они сразу же предлагают мне следующее.

Дальше пошло перечисление таких предложений, которые и сейчас мне кажутся какой-то волшебной сказкой. Они предложили мне:

- 1) трудоустройство артистом Москонцерта или Росконцерта, по моему желанию,
- 2) прописку в Москве,
- 3) гастроль по России, а затем за рубежом, и,
- 4) что было самым невероятным, они гарантировали мне звание Лауреата Всероссийского конкурса.

Оказалось, что я был единственным говорящим фокусником из всех участников конкурса, и это очень им импонировало. Больше всего меня поразило то, что победа в конкурсе определяется не талантом исполнителя и не баллами от жюри, а решением и рекомендациями тех режиссеров, кому мог понравиться конкретный артист. Не знаю, правда ли это, но, почему-то я им сразу поверил.

Мне никто и никогда не делал таких предложений ни до этого конкурса, ни потом. В тот момент я просто растерялся. Теперь я понимаю, что оказался банальным трусом, когда жизнь предложила мне такой потрясающий вариант. Я имел возможность изменить всё и, возможно, всё-таки исполнить свое самое заветное желание. Но я мгновенно вспомнил свой разговор с родителями после окончания института. Когда я принес домой свой «красный» диплом, я заявил, что уж раз мне дали рекомендацию в аспирантуру, я поступлю, защитю диссертацию, а уж потом пойду в артисты. Родители были на седьмом небе от счастья, а я понял, что должен исполнить свое обещание.

И вот теперь я в ответ «на предложение, от которого невозможно отказаться...», с сожалением произнес, что я учусь в аспирантуре, у меня есть тема, я должен ее закончить, защититься и т.п. Режиссеры переглянулись, протянули мне свои визитки и заверили, что рады будут меня видеть и после окончания аспирантуры. Но при этом извинились за то, что в этом случае звания Лауреата они мне добыть не смогут, поскольку я, выходит, приехал не завоевывать мир и эстраду, а просто себя показать.

На этом они откланялись, и мы больше никогда не встречались. Возможно, они когда-нибудь прочитают эти строки и вспомнят наивного провинциального аспиранта, который отказался от блестящей карьеры в Москве.

Теперь-то я отчетливо осознаю, что участвовал в конкурсе без всякой конкретной цели, возможно, даже не рассчитывая на победу, а действительно лишь мечтая помериться силой со своими коллегами-конкурентами. Может быть, теперь я стал прагматиком и всякий раз стараюсь считать варианты на пару ходов вперед (что, кстати, не всегда получается). Но иногда мне приходит в голову мысль, что надо бы мне тогда согласиться на все предложения, получить диплом Лауреата Всероссийского конкурса, а уж потом сказать им о своем намерении сначала закончить аспирантуру...

Я часто думаю о той точке перелома, когда жизнь могла круто измениться, представляю себе, чего бы мог достичь, но каждый раз отбрасываю все эти мечтания по одной главной причине. Делать такой выбор надо было осознанно, пути назад бы уже не было, поскольку нельзя обманывать людей, которые подошли к тебе с самым искренним предложением. Наверное, я только фантазирую о такой возможности, а в жизни так я не поступил бы. Вот такая упущенная возможность была в моей молодости.

Через день всех участников второго тура, не прошедших в финал, собрали в зале театра эстрады. Пожелали всем больших творческих успехов и сообщили приятную новость: через год начнется Всесоюзный конкурс и всем нам будет выслано персональное приглашение для участия сразу во втором туре, без отбора в первом туре. Так что все мы имели реальную возможность исправить все ошибки и снова сделать попытку стать лауреатом. Вот тут-то я снова воспрял духом, поскольку жизнь давала мне еще один шанс. Причем последний. Дело в том, что по положению о конкурсах артистов эстрады принимать в них участие может артист только до 30 лет. А конкурсы проходят раз в четыре года. Поэтому я уже на следующий конкурс не проходил по возрасту, и возможность стать лауреатом исчезала безвозвратно. А тут такой подарок судьбы от московского жюри!

Я вернулся в Саратов, отчитался в филармонии об участии, рассказал, что буду целый год готовиться к Всесоюзному конкурсу. Просил сразу же известить меня, когда придет приглашение на Второй тур, а пока буду учиться в аспирантуре.

Как же я готовился к участию во Всесоюзном конкурсе! Каждый день тренировался, готовил новые фокусы, сшил себе настоящий смокинг, подобрал новую музыку. Год пролетел незаметно.

И вот однажды вечером, репетируя перед зеркалом, вдруг услышал из комнаты звук работающего телевизора... И сразу же побежал к экрану. А там говорят следующее: «... Начинаем заключительный концерт лауреатов и дипломантов Всесоюзного конкурса артистов эстрады». Я грохнулся на стул. Смотреть ничего просто не мог. В голове вертелась одна только мысль: «Как же так? А где же обещанное приглашение...»

На другой день побежал с этим вопросом в филармонию. А там Анатолий Яковлевич Левиновский, смущенно перебирая бумажки на своем столе, пояснил: «Да, кажется, было такое приглашение, но мы вот не смогли вас нигде отыскать...» Ничего не могу сказать – изящная месть за мой отказ работать в филармонии. Впрочем, может быть, я не прав, это только мои предположения. Левиновского уже нет с нами, так что Бог ему судья...

Но, в общем-то, нет худа без добра. Именно тот конкурс сделал меня известным каким-то руководителям из ВЦСПС (Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов), и я стал на несколько лет участником множества творческих зарубежных гастролей в составе делегаций. Дело в том, что семидесятые годы прошлого века – это расцвет эпохи «брежневского застоя», когда СССР был в глазах всего мира колоссально мощной державой. Причем идеология Страны Советов, с ее бесплатной медициной, бесплатным (и лучшим в мире!) образованием, с ее космическими успехами, искусством, хоккеем – все это вызывало самое искреннее уважение и признание во всех странах, где я только не побывал. Я понимаю, что для идеологических работников я был настоящей находкой: я был аспирантом и одновременно очень неплохим артистом – замечательный живой пример гармоничного развития личности при социализме. И вот мы с моим неизменным аккомпаниатором – ректором Саратовской государственной консерватории Валерием Петровичем Ломако (тогда он был еще простым доцентом кафедры народных инструментов) объехали почти всю Европу, выступали даже в Мозамбике. Валерий Петрович прекрасно играет на баяне (у него, кстати, уже тогда был германский баян, который «...стоил как чугунный мост» и создавал на сцене звучание лучше церковного органа).

В 1976 году, к третьему году моего обучения в аспирантуре требования научного руководителя совершенно справедливо стали гораздо жестче. Николай Михайлович предложил мне быстро придумать схему управления выключателем, построить модель и проделать все необходимые эксперименты. Мне был выдан огромный многоканальный осциллограф, в который заряжалась фотоплёнка, фиксирующая все процессы. С пленкой я умел работать. Сказывались мои увлечения кино- и фотосъемкой. Так что технически я мог легко проделать все эксперименты, проявить и закрепить фотоплёнку, навык был. Проблема была лишь в отсутствии той самой схемы, с которой и надо было экспериментировать.

Я каждый день приходил в лабораторию, уныло разглядывал простаивающий осциллограф, думал, думал... И ничего не мог придумать. Преподаватели мне сочувствовали, что-то подсказывали, но все это было не то. Я тихо сползал к отчаянию от своей тупости. Но вот тут-то и произошло событие, которое убедило меня на практике в справедливости диалектического закона перерастания количества в качество.

Схема управления выключателем мне приснилась. Она была простой и изящной. Я моментально проснулся, вскочил и зарисовал ее. Лег спать, а утром с удивлением увидел на листочке то самое решение, которого не мог найти целый год. Побежал в лабораторию, за час спаял эту модель, и она заработала! Схема была настолько простой и «дурацкой», что мои коллеги долго, придирчиво и с недоверием ее разглядывали, заявляя, что она не будет работать. Но схема исправно заставляла выключатель разорвать цепь именно в тот момент, когда ток проходил через нуль!

За неделю я сделал все нужные эксперименты, получил очень приличные, достоверные осциллограммы. Николай Михайлович ходил, победно улыбаясь, предлагал мне оформлять авторское свидетельство и писать статью. Статья вскоре вышла, а я засел за написание текста своей кандидатской диссертации. К моменту окончания срока аспирантуры я положил на стол проректору по научной работе увесистый «кирпич» переплетенной рукописи. Я уложился в отведенный срок и получил месяц отпуска и премию в размере аспирантской стипендии.

Итак, диссертация была готова, но ее еще надо было защитить. И вот только потом, при ее защите в Москве, в Московском энергетическом институте я начал понимать, что наука общения с людьми, понимание их чаяний и стремлений – именно это по-настоящему важная цель в жизни, да и, возможно, способ жизни. Цель, которая во много раз интереснее изучения разных технических чудес. Поэтому защита первой диссертации и то, что произошло после нее, продолжило череду «магических» событий моей жизни.

К 30 годам Вы уже были кандидатом технических наук, работали по полученной специальности, приобрели имя в мире иллюзионистов, но не собирались становиться профессионалом. Как развивалась в дальнейшем Ваша жизнь? Почему Вы решили получить второе образование по психологии и закончили Саратовский госуниверситет по направлению «Психология личности»?

Мое увлечение психологией началось в конце семидесятых годов. Я закончил аспирантуру в 1976 году, а защитился только в 1978. Такая задержка получилась из-за обычной для нашей страны очередной реорганизации: диссертационные советы закрыли на перерегистрацию, и надо было ждать неопределенное время, когда этот процесс завершится. Я уже начал работать ассистентом и очень скоро дал себе слово через год, если совет так и не откроется, искать себе другое место работы: зарплата была такая низкая, что прожить на нее не было никакой возможности. Но Николай Михайлович был, так же как и я, заинтересован в защите своего аспиранта, и он искал вуз и совет, куда можно было бы пристроить мою диссертацию. И очень скоро такое место нашлось.

Дело в том, что профессор Соколов заканчивал в тридцатых годах XX века Московский энергетический институт вместе с профессором Федоровым А. А., который уже много лет теперь возглавлял кафедру в этом же институте. Они продолжали дружить все эти годы, и Николай Михайлович предложил Анатолию Анатольевичу мою работу для обсуждения ее на кафедре. Очень скоро нас пригласили в Москву на предварительную защиту.

Я ужасно волновался, когда стоял перед своими плакатами, развешанными на стене аудитории, в которой собралась вся кафедра и человек двадцать аспирантов профессора Федорова. Меня, реального провинциала, тогда в Москве больше всего поразило количество иностранных аспирантов: в аудитории сидели арабы, индусы и чернокожие африканцы. Меня представили, и я начал свой доклад. Мой руководитель сидел за передним столом и курил свою неизменную сигарету в длинном мундштуке, тогда этого не запрещали. Он не смотрел в мою сторону, но внимательно все слушал.

Свой доклад я несколько раз репетировал перед мамой. Когда в результате многочисленных повторов и разъяснений я убедился, что даже мама понимает, о чем я веду речь, я написал окончательный вариант своего доклада. Вот его-то я спокойно, поборов волнение, и произнес перед столь представительной аудиторией. После заключительных слов: «Доклад окончен, благодарю за внимание», несколько мгновений было тихо. Я увидел, как полное лицо профессора Федорова медленно багровеет. Он повернулся к своим аспирантам и отчетливо, с плохо скрываемым раздражением произнес: «Вот, молодые люди, учитесь, как надо выступать. Аспирант из Саратова всех вас переплюнул!» Николай Михайлович, как кот, зажмурил глаза и просто лос-

нился от удовольствия. Ему было очень приятно, что я его не подвел. Научная школа профессора Соколова еще раз успешно зарекомендовала себя в главном энергетическом вузе страны. Защита была назначена на октябрь 1978 года.

Я приехал в середине сентября в Москву на целый месяц и жил в гостинице «Киевская». В двухместном номере за это время сменилось несколько постояльцев, но всегда добрым словом я буду вспоминать главного инженера Волжского шинного завода из Волгограда. Он, узнав, что я аспирант и готовлюсь защищать диссертацию, дал мне на три дня почитать ксерокопию книги, которая до сих пор остается моей настольной книгой – книгу Дейла Карнеги «Умение приобретать друзей и оказывать влияние на людей». Извинился за то, что не может мне её подарить – везет три копии своим заместителям. Три вечера и три ночи я, не отрываясь, читал эту великую книгу.

В СССР таких книг никогда не издавали, про них ничего не было известно простым людям. Вообще, тогда книг психологического содержания, да еще и обучающих процессу правильной и эффективной коммуникации, в нашей стране найти было невозможно. Забегая вперед, могу сказать, что в то время эта книга была книгой «для служебного пользования» в КГБ. Это мне объяснили друзья в Саратове, когда сделали копию этой книги. До сих пор не знаю, правда ли это, но книга действительно учит эффективной коммуникации.

Сказать, что книга произвела на меня глубокое впечатление, – это ничего не сказать. Она стала моей настольной книгой. Вообще, теперь, с высоты своего возраста и приобретенного жизненного опыта могу утверждать, что эта книга развивает и интерпретирует главную мысль Библии – «Относись к людям так, как ты бы хотел, чтобы они относились к тебе». Возможно, именно поэтому я и считаю книгу Карнеги одной из главных книг в своей жизни.

Уже на второй день чтения книги Карнеги в Москве мне представился случай попробовать её рекомендации на практике. В работе Дейла Карнеги постоянно подчеркивается главное условие её эффективности – постоянное использование её рекомендаций в реальной жизни. Книгу надо не просто читать. Её надо понять и начать использовать. Надо жить по Карнеги. Возможно, для современного читателя многие положения покажутся тривиальными. Но тогда самые простые рекомендации – улыбаться, прислушиваться к другим, просто здороваться при встрече даже с незнакомыми людьми, всегда, если представляется такая возможность, делать комплимент человеку – всё это для убежденного «строителя коммунизма» казалось какими-то буржуазными штучками. Какими-то прибабасами, совершенно не нужными простому, искреннему человеку, который с детства приучается «резать правду-матку в глаза» и незаметно для самого себя превращается в заурядного хама.

Случай был простым. Аспиранты и студенты в то время, как, впрочем, и сейчас, были самыми нищими членами нашего советского общества. Я жил в Москве и экономил каждую копейку. И надо же такому случиться, у меня прохудились единственные туфли. У них буквально отвалилась подошва. В гостинице еще у меня были только тапочки. Денег на новые туфли не было. Положение просто катастрофическое. Тем более что только что прошел дождь, асфальт пестрел лужами.

Через улицу от гостиницы в подвальчике располагалась мастерская по ремонту обуви. Зная, что в СССР тогда в таких мастерских никогда не торопились с ремонтом старой обуви, я понял, что помочь мне смогут только рекомендации Карнеги. Тщательно продумав всю тактику разговора с приёмщиком, я, перепрыгивая лужи, в тапочках отправился в ответственную, для меня жизненно важную экспедицию.

Когда я спускался в подвал, на лестнице услышал громкий, возмущенный голос какой-то женщины. Она, судя по её репликам, высказывала, всё, что она думает об этой мастерской. Действительно, внутри мастерской была только она и несколько хмурых мужчин, сосредоточенно стучавших молотками. Они делали вид, что не слышат всех эпитетов, которыми, как из рога изобилия, сыпала эта опытная в рыночных полемиках дама. Я вжался в уголок и тоже делал вид, что ничего не слышу. Наконец, дама, забрав свои туфли, гордо удалилась. В мастерской был слышен только стук молотков.

Вот тогда я подошел к прилавку и громко произнес: «Здравствуйте». Очевидно, посетители этого заведения никогда не здоровались с мастерами. Молотки просто застыли в воздухе от удивления рабочих. Три пары глаз уставились на меня как на ненормального. И вот тут я произнес заведомую ложь, которая моментально изменила всю напряженную рабочую атмосферу этой мастерской. Я сказал: «Приятель посоветовал мне обратиться в вашу мастерскую. Он сказал, что вы быстро и очень хорошо делаете ремонт обуви...» В углу мастерской заколыхалась занавеска, и голос с южным акцентом произнес: «Армик, возьми у человека заказ». Из-за занавески вышел директор мастерской и с улыбкой спросил меня: «Как быстро Вам нужно?» Увидев мое явное смущение, он благожелательно заявил: «Дарагой, зайди через полчаса...»

Я выбрался на улицу и отправился в ближайшую пельменную. Когда я через час вернулся в подвал, на прилавке стояла моя пара вычищенных и блестящих туфель. Они были как новые. Никаких следов ремонта даже не было видно. Я буквально рот открыл от изумления, а гордый директор назвал такую смешную сумму за ремонт, что я выпалил от всего сердца: «Позвольте, я напишу Вам благодарность!» Мне вручили толстую «Книгу жалоб и предложений», испещренную одними только жалобами. Я с огромным удовольствием написал, что «... прошу объявить благодарность коллективу мастерской за коммунистическое отношение к труду». Эта моя запись произвела такое впечатление на директора, что он предложил и мне, и всем моим родственникам и знакомым всегда обращаться к ним за помощью. Мы, чрезвычайно довольные друг другом, расстались.

Я вышел на улицу. И на всю жизнь запомнил радостное выражение на лице этого директора, который, похоже, никогда не слышал ни слова благодарности за свой труд. А я на всю жизнь запомнил волшебное превращение всей ситуации, которое произошло в результате только лишь одного комплимента, сделанного авансом. И еще я понял, что, в принципе, я не лгал: ведь теперь я сам готов всем рассказывать, как быстро и качественно они работают. Я просто смоделировал то будущее, которое и стало реальностью. И я понял, что Карнеги – настоящий волшебник.

На 6 октября 1978 года была назначена защита в докторском диссертационном совете Московского энергетического института. Ответственность была колоссальной – я был первым аспирантом СГУ, который защищался в таком престижном вузе.

Но все оказалось гораздо проще, чем я мог предположить. До сих пор восхищаюсь теми профессорами, что слушали мою защиту и выносили решение: за десять минут моего доклада они поняли всю сущность моей работы и задавали нормальные вопросы по делу. Не то, что дома, на кафедре во время предварительных защит, где коллеги упорно старались меня «подловить».

Все девятнадцать членов совета проголосовали «за», и я стал кандидатом технических наук. Оформив целую кипу сопроводительных документов, через неделю я, совершенно счастливый, уехал домой в Саратов.

Месяц, проведенный в Москве, был не просто насыщен удивительными событиями, я невольно получил иную оценку моему иллюзионному творчеству.

Однажды я увидел афишу эстрадного концерта Геннадия Хазанова «Мелочи жизни». Добрался до театра эстрады на Берсеневской набережной и подошел к кассе. На её окошке весела лаконичная табличка «Билетов нет». Я вышел из театра и подошел к небольшой группе людей с традиционным вопросом: «Нет ли лишнего билета?» Мне предложили записаться на бронь, которую обычно отдают в кассы за полчаса до начала концерта. Предупредили, что билетов бывает мало, штук двадцать, а я буду где-то семисотым желающим. Я не стал записываться на это весьма сомнительное предприятие, а отправился к администратору. Я с ним не был знаком, но кто-то мне еще в Саратове сказал, что аспирантам в Москве всегда помогают проникнуть в театры именно администраторы.

Подошел к двери с табличкой «Администратор», постучался и, получив разрешение войти, робко переступил порог. Показал свое аспирантское удостоверение, начал рассказывать о том, что защищаю в Москве диссертацию, очень хочу попасть на концерт и т. п. И вдруг администратор с улыбкой сообщает мне, что прекрасно помнит, как в 1975 году я показывал в этом театре эстрады фокус с тремя веревочками. Я просто обомлел, потому что мне и в голову не приходило напомнить о своем участии в 5-м Всероссийском конкурсе артистов эстрады. Но вот оказалось, что совершенно незнакомый мне администратор запомнил и меня и мой фокус! Мы вспомнили те веселые времена, вспомнили участников. Через полчаса я с контрамаркой в кармане, счастливый, вошел в зал театра. Концерт Хазанова был великолепен, а я умиленно вспоминал тот день конкурса, когда я так по-детски отказался от лауреатского звания.

Вернувшись в Саратов, я почти год ждал из Москвы утверждения ВАКом своей работы. Потом мне объяснили, что в то время все диссертации провинциалов, которые защищались в столице, направляли так называемым «черным оппонентам». Это была довольно продолжительная и очень серьезная экспертиза работы. Наконец, долгожданная открытка с сообщением, что мне присвоена степень кандидата технических наук, обнаружилась в почтовом ящике. Через пару недель я получил красивый диплом. Трамплин для карьерного роста был обеспечен.

После защиты кандидатской диссертации очень долгое время, почти 20 лет, я наслаждался приятной жизнью. Работал в университете, показывал фокусы, но в середине 90-х годов начал испытывать жизненный дискомфорт, неудовлетворенность тем, чем я занимался. В середине 90-х каждому здравомыслящему преподавателю университета стало ясно, что степень кандидата наук и соответствующая ей должность доцента совершенно не обеспечивают нормальной и стабильной жизни в России. Многие мои коллеги ушли в бизнес. Я также прошел через организацию собственных кооперативов, что существенно улучшило материальное положение по меркам среднего класса в России. У нас уже были огромная четырехкомнатная квартира, «сталинка» в центре Саратова, гараж, автомобиль. Но положение в институте становилось неустойчивым, стабильность в России исчезала безвозвратно. В начале 80-х годов я прошел через конфликтную ситуацию в университете, сменил кафедру, многое переосмыслил. Описание всех моих побед и неудач за эти двадцать лет может занять несколько глав в моей автобиографии.

Главное, что я понял – мне нужно срочно писать и защищать докторскую диссертацию, если я хочу продолжить работу преподавателя. Должность доцента сравнялась по своей незначительности с должностью ассистента в 70-х годах. Надо становиться профессором или менять место работы.

Примерно в это же время я частенько бывал на кафедре психологии Саратовского классического университета. Меня там очень хорошо знали, поскольку уже несколько раз приглашали для проведения экспертизы паранормальных явлений. На кафедру много раз обращались так называемые экстрасенсы. Некоторые из них даже просили подтвердить документально их экстрасенсорные способности. А я, благодаря своим выступлениям и экспертной деятельности в созданной в то время Академии Энергоинформационного обмена, считался уже признанным специалистом по развенчиванию шарлатанов. Я откликнулся на просьбы психологов, которые, разумеется, не могли понять все скрытые приемы манипулирования сознанием. Каждый раз, рассматривая то, что делали эти «феномены», я понимал, что в демонстрируемых экспериментах происходит использование известных фокусникам, но не известных психологам специальных приемов. В какой-то момент заведующий кафедрой психологии пригласил меня пройти «post-graduate training», получить как бы второе высшее образование по психологии. Я с удовольствием согласился и в 1996 году получил диплом о своем втором высшем психологическом образовании.

В это время мы были очень дружны с Евгением Ильичем Гарбером, профессором кафедры психологии, милейшим человеком и очень серьезным ученым. Евгений Ильич основал при кафедре психологии семинар, который был назван Семинаром по гуманистической психологии. Я принимал участие практически во всех встречах, выступал со своими докладами. Мы довольно часто спорили. Надо отметить, что Евгений Ильич был чрезвычайно интеллигентным спорщиком, с ним было приятно спорить, потому что все возражения, которые у нас иногда переходили в бурные дебаты, все наши расхождения во взглядах никогда не становились препятствием для самых добрых отношений. Итак, теперь у меня было два высших образования: техническое и психологическое. Но я очень любил фокусы. Я решил написать докторскую диссертацию по искусствоведению.

В это время я списался с Государственным институтом искусствоведения в Москве. В институте был сектор эстрады и цирка. Я приехал туда, представился, участвовал в нескольких конференциях и семинарах. На этих семинарах я рассказывал о своих исследованиях в области искусства иллюзии. Через год представил на предварительную защиту толстый том написанной диссертации, которую назвал «Теория и практика сценической магии». Мне назначили экспертов. Через несколько дней собрались все члены сектора, чтобы обсудить результаты экспертизы этой работы. На этом обсуждении меня ждало достаточно приличное разочарование. Пока я приезжал, рассказывал и показывал на практике все то, что я умею делать, ко мне относились очень благосклонно, со мной много беседовали, помогали, и мне казалось, что работа, которая была представлена, должна вызвать большой интерес у специалистов.

Но практически все эксперты высказались отрицательно. Лучше всех, наверное, это отрицательное мнение выразила профессор ГИТИСа Тихвинская Людмила Ильинична. Она, прижимая руки к груди, очень искренне поведала следующее: «Владимир Серафимович! Я целых три дня, не отрываясь, читала Вашу работу. Она безумно интересна, но я ничего не поняла...».

После этих ее слов я, наконец-то, сообразил, что все мои рассуждения об иллюзионных эффектах и способах реализации этих эффектов совершенно непонятны искусствоведам. Мне предложили проконсультироваться по моей работе у наиболее известного профессора-искусствоведа Юрия Арсеньевича Дмитриева и воспользоваться его советами для переделки работы. Когда мы встретились, он порекомендовал читать его книги, а потом написать работу под примерным заглавием «Развитие иллюзионизма в России с 1920 года по настоящее время».

Я вернулся в Саратов, раздобыл книги и учебники Дмитриева, внимательно их проштудировал. Понял, что это меня совершенно не устраивает. В своих книгах Дмитриев исследовал и описал достаточно интересные цирковые номера и представления. Но мне эти исследования и описания показались слишком простыми, если не сказать примитивными. Я не могу и не хочу разбирать и критиковать фундаментальные труды профессора по цирковому искусству. Могу лишь констатировать, что мне это все было скучно и неинтересно. Я на целый год забросил свою работу.

Но через год выпустил первую монографию «Теория и практика сценической магии», которую все мои коллеги-фокусники до сих пор продолжают считать чуть ли не единственной серьезной теоретической работой по иллюзионизму в России. В 1998 году рассказал о своих зловключениях с искусством ректору нашего института профессору Владлену Васильевичу Петрову. Я в тот момент уже восемь лет был вице-президентом созданного в 1990 году Российского Магического Братства и восемь лет выпускал единственный в России журнал, посвященный фокусам. Наш ректор всемерно поддерживал нашу магическую организацию, бесплатно рассылал наш журнал по всей России через канцелярию института. Выслушав меня, Владлен Васильевич посоветовал обратиться на кафедру социологии нашего института, к Валентине Николаевне Ярской. Он сказал, что она поможет мне переделать искусствоведческую работу в социологическую.

Когда я подал заявление в очную аспирантуру, у нас был уже другой ректор. Некоторое время он с сомнением рассматривал мою кандидатуру. Считалось, что мне слишком много лет, чтобы начать обучение в докторантуре. В 1999 году мне исполнилось 50 лет. Однако все образовалось, я начал изучать социологию, дисциплину, весьма далекую от меня. Я никогда до этого не читал книг по социологии. Предстояло проштудировать массу интереснейших и ничуть не меньшее количество весьма скучных книг. Валентина Николаевна порекомендовала мне прочитать с самого начала несколько специальных книг, чтобы понять смысл и методы социологических исследований. Я начал читать. И пришел в ужас от совершенно непонятных мне терминов и их сочетания. От стиля, который мне представили как академический текст. Я пробивался сквозь дебри смыслов, пытался понять, что, например, значат такие пассажи:

«...Ситуация плюрализма, наличия выбора не является чисто деструктивной: благодаря такой возможности высшая школа становится на службу экзистенциальному субъекту, принимая на себя ответственность и конструируя дивергенцию мобильностей».

«...Эти процессы позволяют анализировать стратификационные предпочтения и культурные коммуникации, обозначить закрепленный в языке и социальных институтах, формирующихся в экзистенциальной, индивидуальной истории качественно новых адаптационных нишах, виртуальный хабитус».

Я никогда не сталкивался с таким языком. Должен признаться, что и теперь его не понимаю и никогда не смогу написать ничего подобного. До сих пор считаю, что очень сложные вещи можно и необходимо объяснять как можно более простыми и понятными всем словами. Я начал вникать в качественные социологические исследования и постепенно понимать структуру своей будущей работы. Понял, что за свою жизнь накопил приличный опыт в различных сферах жизни. Теперь могу его осмыслить и описать. Но тогда я и предположить не мог, с чем мне предстоит встретиться в среде социологов.

Хорошо, Владимир, освоение социологической лексики шло своим чередом, а не могли бы Вы подробнее остановиться на описании социальной проблематики, которая заставила Вас задуматься сначала о подготовке искусствоведческой, а затем – социологической диссертации? Были ли люди, которые помогли Вам перевести те болезненные, по Вашему мнению, социальные, социокультурные явления и процессы на язык проблем, требующих научного анализа?

Впервые интерес к социологическим исследованиям магии возник у меня в конце 80-х годов. В это время в Москве была организована Академия Энергоинформационного Обмена. По городам СССР были разосланы приглашения, в которых предлагалось послать свою заявку на участие в 1-й конференции. В этих же информационных бюллетенях декларировалось, что Академия ставит своей целью научное исследование сверхъестественных феноменов. Я направил туда заявку с докладом об экспертизе паранормальных явлений. Получил приглашение и приехал в Москву. На первое заседание Академии мы пошли вместе с моим другом Александром Юрьевичем Чаром. Оба мы были кандидатами технических наук, оба увлекались фокусами, оба выступали с лекциями от общества «Знание».

Перед зданием, где должно проходить заседание, толпилось тысячная толпа народа. Попасты туда было очень сложно, мы прошли лишь благодаря приглашительным билетам. Уселись в зале и начали слушать доклады. В основном это был полный бред малообразованных людей. Но больше всего меня заинтересовал и поразил доклад профессора Александра Петровича Дуброва. Он демонстрировал слайды, кажется, показывал даже небольшой кусочек видеофильма, на котором тибетские монахи, зависая в воздухе, демонстрировали эффект левитации. Когда я увидел эти фотографии, повернулся к Саше и недоуменно спросил, какое отношение наши иллюзионные приемы имеют к такому вроде бы научному собранию? Я мог понять, когда всякую чушь несли малограмотные люди, но когда в таком же ключе выступает профессор, доктор биологических наук, это было для меня, по меньшей мере, странно и непонятно. Впрочем, Саша лишь улыбнулся. Когда был перерыв, я предложил ему пойти и познакомиться с профессором, что мы и сделали. Дубров очень благосклонно принял нас, мы поговорили на темы энергоинформационного обмена, потом перешли к его докладу. Я задал вопрос: «Скажите, уважаемый профессор, а известны ли вам иллюзионные методы и способы для достижения того самого эффекта, который Вы объясняете неким «биологическим вакуумом?» Профессор Дубров с интересом посмотрел на меня и спросил: «А что, разве есть какие-то другие технические способы?» Я понял, что он ничего не знает об иллюзии. Саша толкнул меня в бок. Я понял, что говорить на эту тему с профессором не имеет ни малейшего смысла.

Вообще сам принцип энергоинформационного обмена очень прост и понятен: любые материальные тела, в природе сближаясь, сталкиваясь друг с другом, обязательно обмениваются либо энергией, либо информацией, либо и тем и другим одновременно.

Но под этот здравый и понятный принцип подводились совершенно фантастические гипотезы. На той конференции собралось столько шарлатанов, что мне стало не по себе.

Вот тогда-то мне впервые и начала приходить в голову мысль о том, что огромное количество честных, научно мыслящих людей, не знающих основы иллюзионизма, занимаются исследованиями того, что им представляется сверхъестественными феноменами, требующими, с их точки зрения, нового нетрадиционного научного подхода. Впрочем, наблюдаю, что и теперь таких «исследователей» и «экспертов» ничуть не меньше. Теперь-то я понимаю, что объяснять им что-то и доказывать ошибочность их гипотез бессмысленно. В огромном «Человейнике» (термин, использованный А. А. Зиновьевым) всегда остается непоколебимая вера в чудо. Эта вера сталкивается с необходимостью, по мнению исследователей, понимания феноменов и их научного, материалистического исследования и объяснения.

Именно тогда я решил, что должен познакомить и научную общественность, и энтузиастов со своими знаниями. Причем знаниями, проанализированными с точки зрения социологической науки, с точки зрения не просто здравого смысла, но и с позиции понимания возможности манипулирования сознанием людей. Такой подход мне показался очень интересным. Впоследствии он стал основой моего диссертационного исследования. Получается, что человеком, натолкнувшим меня на мысль о научном исследовании столь закрытых сообществ, которыми являются, например, сообщества экстрасенсов, колдунов, магов, был, наверное, профессор Дубров, его явное непонимание сущности явлений, с которыми он столкнулся, и наивное стремление объяснить эти феномены надуманными гипотезами.

Собственно говоря, в Саратове происходило все то же самое. На университетскую кафедру психологии, где я обучался, приходили так называемые экстрасенсы и демонстрировали свои «паранормальные» способности. Надолго запомнил несколько случаев.

Однажды профессор Гарбер позвонил и сказал: «Володя, к нам тут пришел молодой человек, который демонстрирует совершенно поразительные вещи! Он может пальцем ноги читать текст, видеть картинку, то есть налицо феномен кожного зрения! Не могли бы Вы прийти и посмотреть на этот феноменальный эксперимент?»

Я согласился. Мы пришли посмотреть на него вместе с моими коллегами-фокусниками. Уселись в зале, ничем не афишируя свое присутствие, и этот молодой человек при большом стечении народа – там была вся кафедра психологии и пришли даже представители других кафедр – начал демонстрировать свои парапсихологические способности. После того как демонстрация была закончена, а, надо сказать, она была весьма эффектной: молодой человек, немного подняв брюки, начал пальцем правой ноги читать текст из книги, которую перед ним положили на стул. Глаза его были плотно завязаны повязкой. Когда он закончил свою демонстрацию, я увидел полное непонимание происходящего в зале, восхищение и восторг зрителей от того, что жизнь свела их с таким необычайным, сверхъестественным, чудесным феноменом.

Все, что демонстрировал этот молодой человек, было прекрасно знакомо нам, фокусникам. Многие из этих приемов я, кстати, использовал в своих выступлениях. Когда профессор Гарбер обратился ко мне и попросил проанализировать то, что я увидел, я задал этому молодому человеку лишь один вопрос: «Скажите, пожалуйста, что мы, по Вашему мнению, должны сейчас анализировать? Ваши так называемые «феноменальные» способности или режиссуру вашего иллюзионного представления?» После таких слов молодой человек молча встал, оделся и ушел. А кафедра с недоумением обратилась ко мне: что случилось? Почему он так резко ушел от темы? Я пояснил, что я могу, конечно, рассказать о принципах, о тех иллюзионных приемах, что юноша использовал в представлении, но пока что не вижу в этом необходимости. То, что он нам показывал, есть лишь фокус, трюк, но отнюдь не какие-то парапсихологические способности. И я именно сейчас пишу книгу о подобных проблемах.

После этого случая довольно часто сталкивался с экстрасенсами. Что самое интересное, многие экстрасенсы демонстрировали свои так называемые способности, подчас даже не догадываясь о том, какими иллюзионными приемами они пользовались. Возможно, они случайно с ними столкнулись. Некоторые вполне четко осознавали свои хитрости, и я сам, когда рассказывал о том, чем они пользовались, тут же становился их врагом и противником. Кстати, точно такая же реакция была и у исследователей парапсихологических способностей. В большинстве своем эти люди свято верили в то, что жизнь сталкивает их с чудесными явлениями. И они считали своим долгом проникнуть в сущность этих явлений. Понять, объяснить их с материалистической либо с мистической стороны. Или же должны придумать свою фантастическую гипотезу. Иногда это им удавалось, но чаще все их рассуждения напоминали настоящий бред. Причем бред, в который свято верили и они, и многие другие, кто входил в круг «исследователей». Вот тогда-то я и понял, что нужно написать работу, которая, возможно, станет ключевым трудом для понимания именно этими «исследователями» всего этого необычного и необъяснимого. Именно в этот момент начало вырисовываться то самое «социальное конструирование» реальностей, что я стал исследовать много позже. Но идея работы становилась все осознанней.

Предпринял попытку написать такую искусствоведческую работу, в которой классифицировал и описал приемы достижения иллюзионных эффектов. Попытка представить эту диссертацию к защите закончилась неудачей, и только лишь через несколько лет, в начале третьего тысячелетия, я написал иную, социологическую диссертацию. За основу построения социологических исследований я принял основополагающую гипотезу, которая встретила неожиданное для меня сопротивление и неприятие саратовских социологов. Смысл моих рассуждений был примерно следующий: сущность взаимоотношений в закрытом социальном сообществе, в религиозной секте, в группе, какой, например, является сообщество магов и колдунов, никогда не сможет выявить социолог, изначально не знакомый с принципами создания паранормальных эффектов. Уже тогда я прекрасно понимал, что у магии нет лица, а есть только маски. И если какой-то социолог сможет снять первую маску, под ней обнаруживается вторая, которую тот сможет принять за истинное лицо. Затем третья, и так далее, до бесконечности. Исследовать такие сообщества может только социолог, знакомый с приемами «конструирования социальных реальностей», тщательно скрываемых от «непосвященных». Исследовать сущность закрытого сообщества можно лишь изнутри, поставив себя в третью позицию, в позицию

исследователя того, что наблюдают остальные участники интеракций. Иначе будут неправильно поняты нюансы взаимодействий членов сообщества, а следовательно, и неправильно интерпретированы.

Как ни странно, но именно это мое понимание необходимости исследования закрытых сообществ «специальными» качественными методами, недоступными «обычным» социологам, и встретило достаточно «яростный» отпор с их стороны. Лишь через некоторое время я осознал, что этот подход вступает в определенное, но принципиальное противостояние с теми самыми количественными методами, которыми с успехом пользовались знакомые мне социологи. Количественные, статистические методы исследования, основанные на обработке опросных анкет, в основном использовались в проводимых ими хоздоговорных исследованиях. Оказалось, что я, высказывая определенные сомнения и недоверие выводам, сделанным на основе обработки подобных анкет, как бы покушаюсь на их материальное благополучие. Лишь через несколько лет я встретил в книгах Александра Зиновьева мысли, созвучные моему скептическому отношению к проблеме исследования закрытых сообществ методами опроса. Наибольшее сомнение вызывает достоверность ответов респондентов на вопросы, связанные с их деятельностью внутри закрытых сообществ.

Впрочем, и методы включенного наблюдения во многих случаях оказываются «неработающими» в таких социальных группах. Дело в том, что деятельность и существование членов таких сообществ основано на социальном конструировании виртуальных реальностей специальными приемами, скрытыми от обнаружения и, следовательно, от понимания. И эти искусственно сконструированные виртуальные реальности столь же незаметно, скрытно внедряются в сознание наблюдателей, вытесняя привычную реальность повседневности, на которой и базируется новая виртуальная реальность. Как правило, весь алгоритм такого взаимодействия мага и наблюдателя призван воздействовать на систему анализа возникающей ситуации и на механизм принятия решения.

Я проводил всю свою исследовательскую работу исключительно с целью «расколдовывания» фантастических миров, внедренных в сознание исследователей. Стремился дать им в руки механизм защиты от неправильной интерпретации наблюдаемых социальных взаимодействий, механизм понимания скрытых методов конструирования реальностей.

Несколько дней назад в сети появились материалы о том, как Ури Геллер обманывал ЦРУ <http://www.dailymail.co.uk/news/article-4133044/Yuri-Geller-convicted-CIA-psyhic-powers.html>

Совершенно неправильные, фантастические выводы о наблюдаемых явлениях изложены профессором А. П. Дубровым в книге «Парапсихология и современное естествознание» <http://psychologylib.ru/books/item/f00/s00/z0000044/>.

Итак, социальная проблема обнаружилась, Вы ее увидели, первоначально обозначили. Работы каких авторов, российских или зарубежных, помогли Вам в освоении этой темы, в выявлении научных подходов к ее анализу? С кем из российских коллег Вы начали обсуждение интересующих Вас проблем?

Список использованной литературы в моей докторской диссертации составил 280 наименований. Только что пересмотрел этот список. Разумеется, как во всех, наверное, диссертациях, много «наполнителя». С момента написания прошло 12 лет.

Отметил около 30 книг (см. Приложение 1), которые мне представляются наиболее значимыми для понимания проблемы, методик проведения исследований и обработки полученных результатов.

Из саратовских социологов, психологов, философов много беседовал, советовался, обсуждал свои взгляды с докторами наук: Алексеем Алексеевичем Понукалиным, Валерием Георгиевичем Виноградским, Татьяной Ивановной Черняевой, Валентиной Николаевной Ярской, Рашидом Хасьяновичем Тугушевым. Переписывался и обсуждал свою работу с Владимиром Эммануиловичем Шляпентохом.

Пожалуйста, укажите, какие подходы, чьи теоретические представления оказались для вас наиболее убедительными, полезными при вашем вхождении в исследование, нашли ли вы что-либо полезное вам в работах зарубежных ученых... Какие трудности вы обнаружили в познании вашей темы? В конце концов, что стало объектом вашего поиска, в чем предмет работы?

Для ответа на Ваш вопрос о тех методологических подходах к исследованию магии мне пришлось извлечь на свет Божий свою диссертацию. В первой главе я рассматривал и анализировал все выявленные мной на то время подходы. На 95% эти подходы были сформулированы зарубежными учеными. Внимательно прочитал все 70 страниц, в которые уложилась эта глава. Честно говоря, сам изумился огромному массиву проработанного и проанализированного теоретического материала, определяющего социологические подходы к изучению магии. Понял, что поставленная тогда цель и выдвинутая гипотеза до сих пор сохранили свою актуальность.

Привожу здесь ту основную гипотезу, которая и определила методики дальнейших изысканий.

Центральной гипотезой исследования выступает предположение о том, что в манипулятивных коммуникациях, в частности в магических интеракциях, происходит неявная для объекта манипуляции подмена его модели социальной реальности моделью, специально сконструированной активным манипулятором виртуальной реальности, в которой физические факты заменяются интенциональными. Эта подмена, как правило, конструируется и совершается магами, но не фиксируется объектами манипуляции и наблюдателями, что вызывает смещение интерпретационных схем.

Думаю, что эта гипотеза, понимаемая мною в начале своих исследований, скорее всего, на интуитивном уровне, но окончательно сформулированная, как это обычно бывает, лишь после осмысления полученных результатов, и определяла весь ход моей работы.

Уже в самом начале работы, в выявлении нерешенной проблемы я столкнулся с существенным пробелом в исследовании магии.

Интерес социологов, который неизменно вызывает к себе феномен магии, не распространяется, однако, на феномены управления и манипулирования сознанием с помощью магических технологий. А ведь использование таких скрытых магических технологий в современных межличностных и массовых коммуникациях требует определенной рефлексии со стороны научного сообщества. Сейчас довольно много говорят и пишут о манипулировании сознанием, но до сих пор все это остается лишь на уровне предположений, не имеющих под собой реальных доказательств.

На мой взгляд, для понимания социальной ситуации магического взаимодействия, основанного на замаскированном использовании манипулятивных практик, необходимо не просто констатировать магический феномен как некое явление, но

и определить отношение к ситуации всех ее акторов с позиций драматургии исполняемых ими «ролей». Ведь именно оценка ситуации во многом определяет действия сторон, дальнейшие шаги и реакции участников коммуникации. Если «клиенту» в магической интеракции с помощью манипулятивных практик внедрена в сознание специально сконструированная манипулятором виртуальная реальность, предполагающая его безальтернативную поведенческую реакцию, то социально действия мага можно квалифицировать как неявное управление.

Целостный подход к исследованию манипулятивных практик должен методологически обеспечить исследование процесса магической интеракции не только с позиции наблюдателя в рамках интерпретаций конечных ситуаций, задаваемых магами и априорно присутствующих в массовом сознании. Для понимания социальной сущности манипулятивной коммуникации исследователь должен рассмотреть всю совокупность скрытых от пассивного наблюдателя действий активного манипулятора. А для этого исследователь должен знать и понимать сущность приемов и средств, использованных магом. Необходимо исследовать приемы работы манипулятора, социально конструирующего и неявно внедряющего виртуальную реальность с новыми каузальными связями в сознание участников социальных коммуникаций. Лишь тогда можно будет определить место и возможности манипулятивных практик в социуме.

Именно эти предпосылки определили объект исследования. Объектом моего исследования являлись манипулятивные практики социального конструирования виртуальных реальностей и технологии их внедрения в сознание индивидов. Предметом исследования предстали социокультурные механизмы, обеспечивающие эффективность манипулятивных коммуникаций.

Механизм социального конструирования виртуальных реальностей и получения запланированных поведенческих реакций раскрывается в терминах переорганизации опыта повседневности, социального запаса знаний и специфики когнитивных традиций. Знание этих факторов позволяет манипулятору успешно оперировать вариантами создаваемых моделей фиксируемых явлений. Виртуальные реальности возникают за счет того, что манипулятор провоцирует возникновение запланированных им суждений зрителя как на уровне восприятия, так и на уровне мышления, что позволяет эффективно внедрять виртуальные реальности в сознание объектов манипуляции, и, задавая алгоритм принятия решений, неявно управлять их социальным поведением. Использование манипулятивного приема искажения и утаивания информации от ее потребителя и сейчас применяется практически всеми политическими партиями для конструирования своего имиджа в глазах потенциальных избирателей и сторонников.

Магические интеракции представляют собой специфические формы игры с односторонне неопределенными правилами. Правила этой игры не определены для клиента, но сам манипулятор, конструирующий виртуальную реальность магического взаимодействия, не только создает эти правила, но и меняет их произвольно в зависимости от развития ситуации. Для успешного оперирования игровой ситуацией манипулятор должен активно поддерживать обратную связь. Все преимущества оператора на его стороне. Многослойная виртуальная реальность с различными регулирующими каузальными связями в каждом слое не оставляет клиенту шанса понять правила игры и играть по этим правилам. Как только манипулятор определяет на основе обратной связи, что клиент приближается к пониманию сущности ситуации и начинает

выпадать из виртуального пространства, с его стороны следует комплекс действий, меняющих причинно-следственные связи и создающих новый слой виртуальной реальности. Важнейшим правилом магической интеракции является превалирующая роль мага, позволяющая ему конструировать иную реальность и управлять существованием клиента в этой виртуальной реальности. Закономерностью же магической интеракции являются камуфлирование, маскировка и замалчивание этого правила.

В то время мне на глаза попала статья О. Паченкова, посвященная исследованию магов. Автор ее признавался, что ему не удалось понять действия магов, основываясь на традиционных социологических методах исследования. Это признание показалось мне чрезвычайно важным в методологическом плане, поскольку оно подтверждало мою гипотезу о невозможности исследования магической реальности и способов ее конструирования непосвященным, посторонним исследователем с помощью апробированных современных процедурно-методических программ. Даже интервью, взятое у мага, не сможет пояснить способы конструирования виртуальных реальностей, если маг захочет сохранить их в секрете от исследователя. Участвующее наблюдение как эмпирический метод также не подходит для решения поставленной задачи. Исследователь, не будучи магом, всегда остается за пределами «закулисной части» и может наблюдать и исследовать лишь внешнюю, сконструированную магом сторону этой реальности, но не сможет понять, а тем более исследовать и объяснить сами механизмы конструирования иррациональной реальности. Он может описывать все то, что происходит с ним или с другими участниками магической практики, может высказывать некоторые догадки, предположения, но поскольку он остается «снаружи», он автоматически становится марионеткой в руках опытного мага. Опытный маг владеет способами социального конструирования такой виртуальной реальности, что у «исследователя» не будет возникать никаких догадок о возможности манипулирования его системой восприятия и воздействия на алгоритм анализа происходящего. Однако большинство предположений и выводов исследователя, его ожидаемые поведенческие реакции будут сконструированы магом. Таким образом, появится еще одно исследование и описание внешней стороны магии, ни в коей мере не отражающее ее внутренней сущности.

Исследования внешней стороны магии, ее интерпретаций становятся основой устойчивых мифов, содержание которых в большей степени сконструировано самими магами. Виртуальная реальность в таких мифах незаметно подменяется ими так называемой объективной реальностью, которая присуща массовому сознанию.

В результате проведенного анализа методологических подходов я пришел к выводу, что социологам на протяжении нескольких столетий не удалось выработать единого мнения по основному вопросу, который остается неразрешенным и в настоящее время: существует ли магия реально или существует только вера в ее действенность?

В соответствии с выдвинутой мною гипотезой такая постановка вопроса теряет свой смысл. Бесполезно спорить о том, существует ли магия или она – лишь социокультурный миф. Любые доказательства того или иного положения встретят серьезные контраргументы. Отношение к магическим феноменам, на наш взгляд, происходит в социуме в соответствии с теоремой Томаса: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям». Следовательно, если

в социальной группе существует вера в магию, то последствия какого-то магического действия, реального либо виртуального, порождают виртуальную реальность с измененными каузальными связями, определяемую как результат магической интеракции.

Поэтому, на мой взгляд, следовало принять как данность существование феномена магии в зависимости от веры в ее действенность. Будет методически неверным отделять наличие магии как некоего реального феномена от веры в существование такого феномена. Иными словами, исследователь, стоящий на материалистической позиции и отрицающий существование магии, в своих экспериментах сможет однозначно доказать отсутствие паранормальных магических феноменов и дать стройное, логически безупречное обоснование своей позиции, если он сталкивается с виртуальной реальностью. Однако это возможно лишь в том случае, если такой исследователь знаком с сущностью манипулятивных практик, способен их опознавать и классифицировать в процессе магических коммуникаций.

Отсутствие таких специальных знаний у исследователей влияет на глубину понимания сущности магии.

Маги, совершая какие-то магические ритуалы, применяют целый комплекс манипулятивных практик, создавая с их помощью виртуальные реальности. При этом маги всегда преследуют определенные цели, но, как правило, их скрывают либо искажают, а декларируют совершенно иные.

Я выдвинул в своей диссертации гипотезу, в соответствии с которой магия – это не реальное или сверхъестественное явление, а своеобразный, не опознаваемый неподготовленным наблюдателем или участником магической интеракции коммуникационный процесс, основанный на использовании манипулятивных практик. Активный участник коммуникации – маг, использующий в качестве неявных приемов коммуникации набор невербальных и вербальных кодировок передаваемой информации, позволяющий ему социально конструировать виртуальные реальности с заранее заданными каузальными связями. Маг внедряет сконструированные им виртуальные реальности в сознание пассивных участников коммуникации, вытесняя привычную социальную реальность повседневности и интерпретируя новые каузальные связи как воздействие сверхъестественных сил, которые подчиняются магу.

В результате целенаправленных, но, как правило, неявных или закамуфлированных действий мага им социально конструируется виртуальная реальность. Эта виртуальная реальность активно внедряется в систему восприятия участников коммуникационного процесса, замещает или вытесняет их собственную модель реальности повседневности. Манипулятивная практика, используемая манипулятором в коммуникационном процессе, не фиксируется наблюдателями. Именно поэтому смена реальности, внезапное изменение каузальных связей часто определяются как некое паранормальное явление.

Однако сущность магических, невербальных и вербальных способов усиления неявных коммуникационных воздействий, воплощаемая в манипулятивных практиках, всегда оставалась за границами социологических исследований. Это обстоятельство становится понятным в рамках априорно выдвигаемого нами предположения о том, что неподготовленные исследователи принципиально не могли даже обнаружить этих всегда тщательно скрываемых методов реализации магических феноменов, принимая их как таинственную, магическую данность, проявляющую себя в особых обстоятельствах и необъяснимую с позиций современной материалистической научной парадигмы.

Не знакомые с сущностью манипулятивных практик исследователи интерпретировали создаваемые магами виртуальные реальности либо как паранормальные явления, необъяснимые на основе материалистической научной парадигмы, но имеющие вполне реальные физические основы, либо как результат вмешательства сверхъестественных сил. Тщательно разработанный и неявно проводимый магом процесс коммуникации ускользал от их восприятия, поэтому интерпретация наблюдаемого явления и в том, и в другом случае носила искаженный характер.

Методологический подход, позволяющий исследовать магию с внешней стороны, со стороны наблюдателя и одновременно оценивать ситуацию с точки зрения самого мага, может быть назван холистическим. Холистический подход к изучению феномена магии позволит классифицировать приемы и средства манипулятивных практик социального конструирования виртуальных реальностей и предложить методики их распознавания. Основой выбранного нами методологического подхода является двойная рефлексивность.

Специфика феномена магии заключается, на наш взгляд, прежде всего, в ее закрытости для исследования традиционными методами, используемыми в социологии. Причем эта закрытость не является качеством, присущим магии как таковой. В этом случае исследователи, осознавая такую закрытость, попытались бы проникнуть за ее завесу. Парадокс магии заключен, на наш взгляд, в том, что эта закрытость не видна «невооруженным глазом». Исследователям феномена магии предлагается некая задаваемая манипуляторами в магической интеракции интерпретация ситуации, ложность, искусственность которой, исследователями, как правило, не осознается. Закрытость магии не существует изначально, но специально создается самими магами в процессе социального конструирования виртуальных реальностей, в которые они «погружают» всех участников магического акта.

Для системного изучения и описания сущности магических интеракций также воспользуемся методом социологических микроинтерпретаций театрального подхода, предложенного Ирвингом Гофманом..

Этот подход, в основе которого заложены драматургические принципы, идеально подходит для изучения магии. В основной гипотезе, выдвинутой мною ранее, предполагалось, что магия представляет собой специфический коммуникационный процесс. Его специфика заключается в том, что манипулятор, исполняя социальную роль мага, с помощью специальных приемов конструирует виртуальные реальности и неявными методами внедряет их в сознание участников магической интеракции.

В соответствии с этой гипотезой способы, которые маг использует для внедрения в сознание участников магического акта сконструированных им виртуальных реальностей, скрыты, закамуфлированы и не определяются наблюдателями. Именно в их незаметности и заключается их действенность.

Я исходил из предположения о том, что в магических интеракциях существуют как бы три участника со специфическими ролями, которые они осознанно либо интуитивно играют на протяжении всего действия.

Во-первых, это манипулятор, использующий социальные методы конструирования виртуальных реальностей.

Во-вторых, это маг – тот персонаж, социальную маску которого на себя надевает манипулятор.

В-третьих, это участники, наблюдатели, в сознание которых внедряются виртуальные реальности.

Развивая свой драматургический подход, И. Гофман исходит из предположения, что сцена представляет зрителю события правдоподобно выдуманные, а жизнь наполнена событиями реальными и не отрепетированными. Мною же выдвигается гипотеза, что практически все магические интеракции, даже если они происходят не на сцене, а в реальной жизни, основаны на тщательно продуманных, хорошо отрепетированных схемах виртуальных взаимодействий, в которых маг является активным «дирижером» и «режиссером» всех создаваемых ситуаций. В деталях разыгрываемого действия маг может действовать интуитивно, но успешность таких импульсивных, не отрепетированных действий зависит от всей предварительной подготовки интеракции и многогранности знаний и возможностей манипулятора.

Я думаю, когда Вы начали выступать на семинарах перед социологами, обкатывать основные положения будущей диссертации, Вас спрашивали о распространении Ваших построений на случаи Вольфа Мессинга, Анатолия Кашпировского, Алана Чумака и других гипнотизеров и «целителей». Что Вы отвечали на подобные вопросы?

Вы задали чрезвычайно интересный и важный вопрос. Да, мне приходилось выступать на конференциях и семинарах с докладами по своей работе. К моему огромному сожалению, коллег почти не интересовали мои знания о возможностях «расколдовывания» мира. Вопросы о российских колдунах, экстрасенсах, о том, как сибирские шаманы помогали на выборах Б. Ельцину, о Грабовом, Чумаке и Кашпировском – все это интересовало слушателей моей открытой лекции в Вашингтоне в институте Кеннана. Это было, скорее всего, потому, что тема лекции была «Магия в России», и слушатели пришли с уже заготовленными вопросами. В России мне практически не задавали таких вопросов.

Я рассказывал о своей встрече с Мессингом, о том, как я проверял, может ли он действительно читать мысли. О том, что эта проведенная экспертиза показала использование Мессингом определенных наработок иллюзионистов.

Я рассказывал о том, как в своей диссертации проверял выдвинутую гипотезу, что артисты-фокусники, по сути дела, используют в своих выступлениях тщательно выверенные, но незаметные для зрителей приемы и методы управления их поведением, методы, которые берут на вооружение современные политики и коммуникаторы. Вся эмпирическая часть моей работы базировалась на определенном методологическом подходе к социологическим исследованиям в этой области. Я сделал предположение, что социолог, не знакомый с магическими приемами, не сможет исследовать и понять законы создания и функционирования той виртуальной реальности, в которой существуют, например, клиенты ясновидцев, предсказателей и целителей, той реальности, которую может плавно изменять маг-коммуникатор. Социолог, использующий традиционные методы социологических исследований (опрос, анкетирование, кейс-стади и т. п.), будет исследовать и описывать не то, что происходит на самом деле, а лишь ту интерпретацию виртуальной реальности, которую создает маг, и впечатление о которой социолог будет получать в ходе магической интеракции. То есть вывод получался довольно печальным для практикующих социологов и специалистов в иных областях науки: сущность магических феноменов могут понять и описать лишь сами маги, но не ученые, далекие от знания магических приемов. Я выдвинул, в общем-то, не новую идею о том, что познать сущность магических феноменов, да и любого социального явления может исследователь, знакомый с деятельностью конкретной социальной группы не понаслышке, а сам долгое время работающий

в составе этой социальной группы и наблюдающий все процессы «изнутри». Причем не просто наблюдающий исследователь, но и самостоятельно практикующий в этой области. И вот тут-то я столкнулся не только с неприятием такой методики исследования магических феноменов со стороны научного сообщества, которому предложил эту идею, но и с активным ее отторжением. Долгое время для меня это было странным и непонятным, пока я не познакомился с книгой Александра Зиновьева «Глобальный человек». Там он пишет следующее:

«...Судьбой идей у нас распоряжается армия теоретиков, каждый из которых имеет свою концепцию и не допускает даже намеков на то, что она ложная или хотя бы бессмысленная. Всем этим концепциям грош цена с научной точки зрения. Но они кормят и приносят славу многим людям. Мой замысел выглядел как угроза их существованию в качестве значительных личностей и авторитетов».

Тогда я начал понимать, что социологи, активно отвергающие выдвинутую мной идею, совершенно не хотят тратить свою жизнь на понимание социального процесса «изнутри», они хотят жить своей комфортной и привычной жизнью, пытаются понять и описать внешнюю по отношению к ним жизнь, наблюдая ее из своей «башни из слоновой кости». А это далеко не всегда удается, особенно в социологическом исследовании магии.

Социологи, не знакомые с магическими практиками, а лишь наблюдающие их, попадают в замкнутый круг, поскольку маги отнюдь не стремятся внести ясность в те таинственные и необъяснимые с точки зрения традиционной науки явления, которые они демонстрируют на своих сеансах. Но, как поется в известной песне: «устроены так люди: желают знать, что будет...» Все хотят не просто увидеть, но и разгадать чудо. Поэтому описывать и комментировать такие «необъяснимые» чудеса кто только не берется. Возникает обширное поле для околонуточных спекуляций. Вот именно с такими спекуляциями я не мог согласиться и всю свою работу посвятил социологическому описанию и пониманию сущности магии. Но мой подход вызвал активную критику. Ответ на вопрос, почему это произошло, тоже можно найти у Александра Зиновьева:

«...В соответствии с принятыми правилами я должен был использовать всю мощь современной интеллектуальной и информационной техники так, чтобы каждый пустяк и каждая банальность выглядели как вершины познания. Я же исходил из открытой мною установки, что в научном познании социальных явлений главным должно быть умение наблюдать очевидное, понимать сущность и важность этого очевидного, его место и роль в жизни общества; другими словами, умение видеть реальность своими глазами, прямо, без посредства триллионов слов, которые наговорили предшественники, стремившиеся не столько к истине, сколько к жизненному успеху за счет болтовни на ту или иную тему».

Особенно преуспели в сборе урожая на необъятном поле непознанного тележурналисты. Кстати, среди профессиональных социологов довольно часто можно услышать сетования о том, что научную социологию в наше время начинают подменять некомпетентные журналистские расследования. На западе уже давно с помощью газетных опросов (реальных или мнимых?) пытаются формировать общественное мнение. Да и в наших телевизионных и радиопередачах очень часто стали задавать вопросы и получать на них ответы по телефону. Большинство знакомых мне социологов достаточно скептически относятся к таким быстрым опросам.

Примеров таких вот неудачных исследований, которые лишь уводят в сторону от сущности того, что происходит на самом деле, можно привести сотни. Очень характерны видеосюжеты, показанные разными каналами российского телевидения, например, сюжеты о Вольфе Мессинге или об Ури Геллере. Ури Геллер – маг из Израиля, который теперь живет в Англии, с радостью показал российскому журналисту все, на что способен. Ну, как же не показать, если телепередача превратилась в откровенную рекламу парапсихологических способностей заморской знаменитости! Самое печальное в передачах из серии «Необъяснимо, но факт», на мой взгляд, то, что зрителей невольно пытаются уверить в оккультных способностях откровенных шарлатанов, которые уже сотни лет дурачат обывателей и исследователей одними и теми же «фокусными» способами.

Однако в рамках своего диссертационного исследования я не собирался раскрывать секреты, которые кормят «честных фокусников», пользующихся этими приемами в своих выступлениях. Я вовсе не сторонник телепередач, разоблачающих секреты фокусов. Для наиболее любознательных читателей могу сообщить, что, например, секреты скрытного копирования информации, которые демонстрировал Ури Геллер под видом ясновидения, подробно изложены в шестом томе серии книг «Курс Магии Тарбелла».

В этом же томе рассказано о множестве способов чтения текстов с завязанными глазами, о вождении автомобиля или мотоцикла с черным мешком на голове. Но, конечно же, книга, наиболее полно раскрывающая все приемы ментальной магии, – это знаменитый во всем мире среди фокусников академический труд Тони Коринда «13 ступеней к вершинам ментализма». Ментализм – это довольно редкий в России жанр. И основная его сложность заключена в большом соблазне для исполнителя предстать перед своими зрителями в образе экстраординарного человека, обладающего немислимыми способностями. К сожалению, многие артисты, узнавшие потаенные секреты ментальной магии, оказываются не в силах противостоять этому соблазну. Вот так и появляются «колдуны в пятом поколении», «выдающиеся экстрасенсы», «телепаты», «парапсихологи» и иже с ними...

Под магическими приемами я понимаю те самые секреты, которые используют сценические маги, и которые успешно берут на вооружение их «коллеги» из области парапсихологии, экстрасенсорики, ясновидения и прочих магических феноменов. А уж этой магической тарабарщиной реальность современной России заполнена свыше всякой меры.

Поэтому взятый мной на вооружение методологический подход, позволяющий проводить экспертизу различных странностей, которые часто выдаются наивными либо, наоборот, чересчур хитрыми целителями за свои выдающиеся экстрасенсорные способности, показался американским социологам интересным. Мне предложили выступить с лекциями перед студентами и аспирантами Университета штата Мичиган в городе Ленсинге и с публичной лекцией в центре Вудро Вильсона в Вашингтоне.

Волновался я изрядно, больше всего за свой английский – поймут ли американские коллеги мой язык, произношение и лексику. Позднее выяснилось, что для опасений не было повода, меня прекрасно понимали, да и комплиментов по поводу своего английского произношения я получил немало. Но это было потом, после первой лекции, а все волнения были до этого.

Самая интересная, хотя и самая продолжительная и трудная лекция состоялась в Вашингтоне. Центр Вудро Вильсона расположен в огромном здании классической архитектуры в самом центре столицы США, рядом с Белым Домом и Капитолием. Аудитория, в которой я выступал, представляла собой зал с мягкими креслами и замечательной акустикой. Я убежден в том, что если зритель, слушатель хорошо слышит лектора, и ему удобно сидеть все время лекции, его восприятие материала всегда будет полным и благожелательным. На эту публичную лекцию собралось человек 50, что, как мне потом объяснили, составило очень высокий процент посещаемости для американской столицы, пресыщенной самой разнообразной информацией. Если учесть еще и то, что в этот же вечер практически сразу после моего выступления, в той же аудитории должно было быть выступление госсекретаря США Кондолизы Райс, то можно гордиться тем, что эти пятьдесят человек пришли на встречу со мной, а не с этой весьма популярной леди.

Я рассказывал об использованной в моей работе методологии исследования магии. Но квинтэссенцией всей лекции был анализ моего собственного выступления в качестве артиста-фокусника перед первым президентом России Борисом Ельциным. Когда я перешел к этой части, то попросил у зала разрешения продемонстрировать психологический опыт, который три года назад так поразил Бориса Николаевича. В этой демонстрации для меня были очень важными два момента: во-первых, я должен был продемонстрировать всем свою компетентность в том предмете, который взялся изучать, – в магии, во-вторых, я должен был заинтриговать всех и подняться в их глазах на более высокий уровень, чем просто уровень профессора-социолога из России. Вот это и был мой «скрытый», как это квалифицируют социологи, от всех план проведения лекции. И он прекрасно сработал, поскольку именно «опыты ментальной магии» позволяют быстро и эффективно решить поставленные задачи.

Я попросил разрешения у дамы-профессора, которая представляла меня всему залу и которая осталась сидеть на председательском месте за столом на сцене, написать ей предсказание на моей визитной карточке. Получив ее разрешение, я написал на визитке несколько слов и отложил в сторону карандаш. Затем попросил ее назвать вслух любое двухзначное число. Когда она произнесла вслух число 23, я вручил ей свое предсказание и попросил зачитать его для всех. Когда она медленно прочитала: «профессор Мария назовет число 23», по залу пронесся вздох изумления, а затем все начали аплодировать. Лед недоверия, как говорится, был сломан. Интересующиеся магией профессора-социолога, как я и предполагал, ничего не знали о секретных приемах менталистов. В принципе, дальше можно было говорить все, что угодно. После демонстрации магического феномена начинал работать принцип массовых выступлений: важно не то, что вы говорите, а то, как вы это говорите. Слушатели увидели чудо, увидели его не в исполнении артиста, которому можно было и не поверить, а получили его от солидного в их глазах ученого, профессора из России, и это было то, чего они не ожидали увидеть на академической лекции.

Я проанализировал реакцию на аналогичный эксперимент со стороны такой VIP-персоны, как Борис Ельцин, рассказал о том, как сложно конструировать виртуальную реальность перед лидерами, которые привыкли самостоятельно всю свою жизнь строить свою реальность. Рассказал о том, какой дискомфорт начинает испытывать такой социальный дизайнер, оказавшийся не по своей воле в виртуальной реальности с непредсказуемыми каузальными связями, какие сложности испытывает коммуникатор, возвращая лидера в реальность повседневности. Было видно, что

такой анализ для слушателей представляет большой интерес. По сути дела, в лекции произошло переключение центра интереса зрителей с вопроса, как это делается, на тему последствий демонстрации такого феномена и взаимодействия мага и зрителя в виртуальной реальности.

В конце лекции было множество самых разных, подчас неожиданных вопросов. Слушатели показали прекрасное знание российской действительности. Потом я узнал, что примерно треть присутствующих – это профессура из России, получившая гранты на работу в центре Вудро Вильсона. Задавали вопросы и о Кашпировском, и о Грабовом, и о финансовых пирамидах, и о поддержке Ельцина во время выборов сибирскими шаманами. Я рассказывал то, что я знал о практиках этих экстрасенсов, стараясь не углубляться в проблемы, о которых знал лишь понаслышке.

Почти каждый из присутствующих задал свой вопрос. Так что отвечал я на них примерно полтора часа. Потом уже позвонивший в гостиницу профессор Шляпентох сообщил, что лекция получила самые высокие оценки слушателей, а главный объективный показатель – это количество заданных вопросов. Если лекция неинтересная, то в конце все просто встают и вежливо уходят, не задав ни одного вопроса.

Меня совершенно потрясло то, что американские социологи ничего не знали о нейролингвистическом программировании и о создателях этой науки Д. Гриндере и Р. Бендлере. Для них были незнакомы имена Милтона Эриксона и Карлоса Кастанеды – американцев, весьма популярных в России. Однако это можно понять, увидев, сколько научных книг и журналов выходит в США. Получая такой огромный объем информации, можно усвоить только отдельные направления и использовать лишь нужные тебе в работе темы.

Столь же много вопросов после лекции задавали и студенты департамента социологии Мичиганского университета, но там эти вопросы были заранее заготовлены по предложению профессора Владимира Шляпентоха. Его студенты показали отличную эрудицию и знание классических исследований в области социологии коммуникаций. Студенты были на высоте.

У Вас были весьма завидные оппонирющие субъекты: «Левада Центр» (отзыв был подписан Ю.А. Левадой и А.Г. Левинсоном) и профессор Л.Г. Ионин. Кто Вам рекомендовал этих оппонентов? Вы встречались с ними, обсуждали или все ограничилось пересылкой диссертации и документов? Что они оценили положительно, какие были критические замечания?

Наступил 2003 год. В университете была опубликована моя монография «Социальное конструирование виртуальных реальностей». Работа над диссертацией была в основном завершена. Наступил самый ответственный момент: подбор оппонентов и оппонирющей организации. Автореферат диссертации был разослан. Летом 2003 года у меня состоялось несколько интересных знакомств.

В Саратов на Международную научно-практическую конференцию «Города региона: культурно-символическое наследие будущего» приехал Алексей Георгиевич Левинсон. Конференцию проводила кафедра социальной антропологии, на которой я обучался в докторантуре. Мне поручили его встретить и привезти в пансионат, в котором и проходила эта конференция. Я встретил Алексея Георгиевича Левинсона на вокзале. Мы по дороге заехали ко мне на дачу. Мама знала о том, что я буду встречать почетного гостя из столицы, и очень хорошо нас встретила. Напоила чаем с вишневым вареньем. Затем мы продолжили свою поездку вдоль Волги на эту кон-

ференцию. Я прослушал его интересный доклад, и мы с ним еще пообщались и подружились. Я рассказал, что заканчиваю свою докторскую диссертацию. И Алексей Георгиевич, кажется, сам предложил, что может сделать отзыв на автореферат. Я подарил ему реферат. И через некоторое время, уже к защите, из Москвы прошел отзыв, подписанный Юрием Александровичем Левадой и Алексеем Георгиевичем Левинсоном.

В общем, для провинциального социолога, каким я себя мыслил, это была существенная победа, потому что получить в целом положительный отзыв от ВЦИОМ довольно лестно для любого социолога.

Примерно в это же время произошло мое знакомство с профессором Иониным. Дело в том, что в своей диссертации я заочно полемизировал с Леонидом Григорьевичем. Думаю, что многим известен его блестящий анализ романа «Мастер и Маргарита». Я рассматривал в своей работе социально-феноменологическую интерпретацию повседневности, которую отмечал Л. Ионин. Но в своей диссертации я довольно нагло заявил, что и роман, и анализ остаются лишь умозрительными построениями. А далее описал взаимодействие в реальной жизни колдунов, экстрасенсов, магов со своими «клиентами». То есть анализировал уже свой артистический опыт.

В это время в Москве Л. Ионин проводил курсы, на которых занималась моя очень хорошая знакомая Татьяна Черняева. Я попросил ее передать Леониду Григорьевичу мою монографию. Передать от меня в подарок, с дарственной надписью. С благодарностью за то, что я познакомился с таким блестящим анализом романа Булгакова. Через несколько дней Таня позвонила и сказала, что передала мой подарок. Через два дня она снова позвонила и рассказала, что профессор задал ей вопрос, знает ли она меня лично. Получив утвердительный ответ, Леонид Григорьевич сам предложил передать мне, что он хотел бы быть оппонентом на моей защите. Я приехал через некоторое время в Москву, передал профессору Ионину экземпляр диссертации. Он пригласил меня к себе домой. Мы довольно долго беседовали, Леонида Григорьевич интересовало, как я решился взяться за такую работу. Он сказал, что его заинтересовала моя постановка проблемы. Свой отзыв пообещал переслать мне. Замечания, разумеется, были и у него, и у других оппонентов. Были замечания и по реферату.

Но, как я понял, всех заинтересовала сама необычность такого не только теоретического, но и практического рассмотрения процесса использования манипулятивных практик в коммуникациях.

Как и полагается при защите докторской диссертации, у меня было три оппонента.

Но самым достойным и дорогим отзывом я продолжаю считать отзыв из Мичиганского университета от профессора В.Э. Шляпентоха. Он чуть ли не самым первым прислал на адрес нашего университета отзыв. И для саратовских социологов этот отзыв из США стал поистине сенсационным. Насколько я знаю, в то время из США отзывы не приходили. Я только что еще раз перечитал этот очень эмоциональный, во многом неформальный и очень искренний отзыв Владимира Эммануиловича. Посылаю его Вам, Борис, во вложении, как образец столь необычного отзыва на реферат.

Защита была назначена на 11 марта 2004 года. И она обещала быть интересной и достаточно сенсационной. В этот день в нашу большую аудиторию технического университета собрались все члены диссертационного совета. И зал для зрителей был заполнен до отказа, что уже было не характерно для защиты. Я предполагаю, что многие пришли послушать не столько меня, сколько Леонида Григорьевича Ионина. Ведь все его знали по учебнику «Социология культуры». Насколько мне известно, до этого он приезжал в Саратов лишь один раз оппонентом на защиту диссертации Елены Ростиславовны Смирновой-Ярской. Так что уже одно его участие в защите было сенсацией.

Леонид Григорьевич выступил как оппонент. В своем отзыве он обратил внимание на ошибки, сделал несколько замечаний, но все это было, в общем-то, несущественным. Все оппоненты высказались за присвоение мне искомой степени. И единогласным голосованием членов совета она была присвоена. Вернее, совет ходатайствовал перед ВАК о присвоении.

Никогда не забуду слова Леонида Григорьевича на банкете.

Он сказал, что хочет выпить за то, что сегодня он явился свидетелем того, как магия победила науку. Этот его шуточный тост вызвал аплодисменты.

Через некоторое время мне позвонил из Москвы мой второй оппонент Эдуард Михайлович Андреев. Рассказал, как мою диссертацию обсуждали в ВАК. Один из членов комиссии, по словам Андреева, заявил, что здесь, мол, и обсуждать нечего. Он не знает в России никого, кто мог бы сделать за Свечникова такую работу, написать текст и провести такие исследования.

Через некоторое время я получил из столицы утверждение своей докторской степени.

Прошло свыше десяти лет после защиты докторской диссертации. Читаете ли Вы сейчас или читали раньше студентам Вашего или других университетов курсы лекций по Вашей проблематике или смежным вопросам?

Через несколько дней, 11 марта 2017 года, исполнится ровно десять лет с момента защиты моей докторской диссертации. В 2005 году Владимир Эммануилович Шляпентох пригласил меня читать лекции для студентов, аспирантов и сотрудников департамента социологии Мичиганского университета. Впрочем, это были, скорее, не лекции, а такие дружеские встречи, дискуссии, обмен мнениями. Но для меня они были чрезвычайно интересными и информативными. Я прожил в кампусе университета дней десять, а затем переехал в Вашингтон, где читал публичную лекцию в Вилсон центре (Кенон институт). Это были, по сути, единственные лекции, которые я читал по теме своей диссертации. Ни в нашем университете, ни в других университетах России, насколько мне известно, тема магии не изучается. Как, впрочем, и социологические ее аспекты. Во всяком случае, в СГТУ мне никогда не предлагали разработать и читать подобный курс лекций.

После защиты диссертации, как и до защиты, я продолжал работать на кафедре природной и техносферной безопасности. Читаю курсы по безопасности жизнедеятельности, по культуре безопасности, по эргономике. Кроме этого, я состою членом диссертационного совета СГТУ ДМ 212.242.12 (специальность 24.00.01 Теория и история культуры). Под моим руководством соискателем была защищена кандидатская диссертация по специальности «Культурология». Поэтому я последнее время считаю себя больше культурологом, чем социологом. И свои статьи, монографии позицио-

нирую как культурологические. Последние три года занимаюсь биографическими и автобиографическими исследованиями. Думаю, что эти методы позволяют наиболее точно показать срез реальности конкретного времени бытия. Однако наше университетское начальство заявило, что все мои культурологические изыскания никого в университете не интересуют. Все монографии, учебные пособия, которые я выпустил за последний год (пять учебных пособий и шесть монографий), не должны учитываться в системе показателей работы преподавателей, поскольку они не соответствуют темам читаемых мною лекций. Ничем другим, как искусственным ограничением свободы творчества университетского профессора, я это заявление считать не могу. Я понимаю, что в 2017 году заканчиваются дни моего пребывания в должности профессора СГТУ. Сейчас я проживаю последние эпизоды в моей карьере университетского преподавателя. Через месяц собираюсь подать заявление об освобождении меня от занимаемой должности профессора.

С некоторой грустью констатирую, что моя работа по социологическому исследованию магии, ее связи с религией, с суевериями, с парапсихологией до сих пор, насколько мне известно, остается единственной защищенной в России докторской диссертацией по такой тематике.

Приложение 1.

Список книг, которые мне пригодились больше всего во время работы над диссертацией

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. ст. А. Д. Ковалева. – М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. – 304 с.
3. Гречишников С. Е. Магия как социокультурный феномен: Дис. ...канд. филос. наук. М., 1994. – 158 с.
4. Гурджиев Г. И. Беседы с учениками. – Киев: Пресса Украины, 1992. – 176 с.
5. Дридзе Т. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. – М.: Наука, 1984. – 204 с.
6. Жданов В. Ф., Носов Н. А. Виртуальная реальность в исполнительском искусстве // Виртуальная реальность: Философские и психологические проблемы. – М.: 1997.
7. Игнатов В. Как распознать мошенника. – Ростов н/Д.: Феникс, 2000. – 320 с.
8. Ионин Л. Г. Социология культуры: учебное пособие. М.: Логос, 1996. – 280 с.
9. Кара-Мурза С. Г. Краткий курс манипуляции сознанием. – М.: Эксмо, 2003. – 448 с.
10. Крэг Д. Современная магия: теория и практика. – М.: Avers, 1993. – 287 с.
11. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика-Пресс, 1999. – 608 с.
12. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – 456 с.
13. Малиновский Б. Магия, наука и религия: пер. с англ. – М.: Рефл-бук, 1998. – 304 с.
14. Миллс Ч. Р. Социологическое воображение / пер. с англ. О. А. Оберемко. – М.: Стратегия, 1998. – 487 с.
15. Носов Н. А. Виртуальная психология. – М.: Аграф, 2000. – 432 с.
16. Повель Л., Бержье Ж. Утро магов: пер. с фр. – Киев: София, 1994. – 480 с.
17. Ритцер Дж. Современные социологические теории. – 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – 688 с.
18. Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. – М.: Добросвет, 1998. – 292 с.
19. Серл Дж. Конструирование социальной реальности [WWW-документ] URL <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/searle.htm> PSyberLink /Рукопись.
20. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. – М.: Гардарики, 2001. – 398 с.

21. *Успенский П. Д.* Новая модель Вселенной: пер. с англ. – СПб.: Изд-во Чернышева, 1993. – 560 с.
22. *Фрэзер Д. Д.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии: пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1986. – 546 с.
23. *Хейзинга Й.* Homo ludens. Человек играющий / пер. с нидерл. В.В. Ошиса. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 352 с.
24. *Шейнов В. П.* Неявное управление человеком (Психология манипулирования). – М.: Аст, 2002. – 848 с.
25. *Шерстнев М. П.* Тайные механизмы управления людьми. – М.: Русский хозяин, 2000. – 265 с.
26. *Эванс-Причард Э.* Колдовство, оракулы и магия у азанде // Магический кристалл: Магия глазами ученых и чародеев / ред. и сост. И. Т. Касавин: пер. с англ. – М.: Республика, 1992.
27. *Элиаде М.* Оккультизм, колдовство и моды в культуре: пер. с англ. – Киев: София; М.: Гелиос, 2002. – 224 с.
28. *Ядов В. А.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. – М.: Добросвет, 1999. – 596 с.